

Дети Капитана Флинта

Павел Малов

2026-02-25

Contents

Дети Капитана Флинта	1
Часть 1	2
Часть 2	49
Павел Малов	

Дети Капитана Флинта

Юмористическая повесть

Содержание

Часть 1

1. Притон
2. Генка Портянкин
3. Капитан Флинт
4. Во флигеле
5. В ресторане
6. Происшествие в гастрономе
7. Марина
8. Хулиганы
9. День рождения
10. Лёньчик

Часть 2

1. Завод
2. Условники

3. Голый
4. Утром в ночежке
5. Маргарита
6. «Убийство»
7. Вытрезвитель
8. Гибель Генки Портянкина

Эпилог

Часть 1

1. Притон

В кухне небольшого одноэтажного частного дома за столом располагалась подгулявшая компания, состоявшая, впрочем, только из двух человек: ветхой старушки с морщинистым, напоминающим мочёное яблоко, лицом и молодого, обрюзгшего и небритого мужчины. Весь вид его красноречиво свидетельствовал о длительном загуле, в результате которого пропивается всё до нитки. Когда под конец в ход пускаются одеколон любой марки, зубная паста, женская пудра для лица и даже чёрный сапожный крем, который, по слухам, изготавливается на спирту. Намазанный на хлеб в виде бутерброда, он оставляет весь спирт в мякоти. Затем, бесполезный уже крем счищается с импровизированного бутерброда, а оставшийся хлеб с жадностью поедается участниками эксперимента с целью получения удовольствия, а попросту говоря, «кейфа».

Мы не можем свидетельствовать, что и наш герой занимался когда-либо подобными опытами, но, глядя на его затасканную физиономию, можно было предположить что угодно.

Такой же плачевный вид имела его собеседница, вернее – слушательница, так как говорил, покамест, только один обрюзгший. Речь его не отличалась связностью. Он часто прерывал своё нудное повествование, путался, перескакивал сразу на другое место. Так что, понимала его или нет растрёпанная, смахивающая на ведьму старушенция, – оставалось полнейшей загадкой. Мужчина был, по всей видимости, шофёром, и потому речь его изобиловала профессиональными

терминами. Иногда в неё вкрапливались и нецензурные выражения, иногда добавлялись словеса из арго стилияг, а то вдруг оратор выдавал перед своей засыпающей аудиторией знание такой книжной, узкоспециальной лексики, что иному читателю непременно потребовался бы толковый словарь Ожегова для её понимания. Если бы кому-нибудь вздумалось вдруг воспроизвести эту его речь на бумаге и выразить литературным языком, то она звучала бы примерно так:

«Ты врубаешься, какая (нецензурное выражение) наш завгар! Ты ведь помнишь его, тётка Катя, бугра нашего, завгара. Хотя откуда тебе его знать!.. Я его, тётушка, сразу же вычислил. (Здесь опять следует целая гирлянда нецензурных выражений). – Отведя душу, рассказчик продолжил: – Неандертальской тупоголовости его подивиться можно. Ей-ей. Свечу от карбюратора не отличит, с ведром за трансмиссией на заправку бегал – ребята раз подшутили. Зато за новенького «ЗИЛа» полкуса хапает... Чуваки его даже (нецензурное выражение) колотили несколько раз! Экспроприатора ползучего... У меня как-то, тётушка, трамблёр забарахлил. Поверишь ли (нецензурное выражение), напоил его вечером, завгара-то, – куда же в наш век без протекции? (Нецензурное выражение). Я – тебе, тётка Катя, – ты мне! Долг платежом красен, так ведь?.. На лапу ему сунул... Всё пообещал, гад. Трамблёр, свечи, сцепление, – даже новый аккумулятор (нецензурное выражение), а на следующий день победа – Пирровой победой оказалась! Все обещания – в долгий ящик, да ещё орёт, кретин, (нецензурное выражение) во всю Ивановскую: алкаши!»

При последних словах клевавшая носом старушка вдруг очнулась, поглядела на говорившего осоловелыми, ничего не понимающими буркалами и, распрямив горбатую спину свою, с силой хлопнула сухим кулачком по столу.

– Вот это точно! Правильно он сказал, справедливо!

Вздвогнув от неожиданности, бабкин племянник удивлённо уставился на очнувшуюся сотрапезницу.

– Ты это про что, тётка Катя?

Не получив ответа, он хотел было продолжить свою нескончаемую повесть о завгаре, но старушонка снова его перебила и, входя в пьяный кураж, во второй раз треснула по столу кулаком.

– Ты меня не учи, Генка! Яйцы курицу не учут... Не люблю, ох, боже ж ты мой, не люблю ентова.

Бабка Катя пригорюнилась, ни с того ни с сего вдруг всхлипнула, утерлась подолом грязной ночной рубашки. Немного помедлив,

в третий раз хлопнула своим маленьким, сильно напоминающим мощи какого-нибудь святого из Киевско-Печорской лавры, кулачком. Удар на этот раз был несколько сильнее двух предыдущих попыток, так что пустая бутылка из-под водки, стоявшая на столе, подпрыгнула и со звоном повалилась на пол.

- Не учи, Генка, не люблю, - повторила, остывая, старушка и тупо уставилась на валявшийся под ногами пустой сосуд из-под водки.

- Иде Светка-то? За смертью её только посылать... Не принесла ещё, слышь, Генка?

- Светлана? - для чего-то переспросил небритый племянник Генка. - Светлану ты, тётка Катя, не обижай. Девчонка что надо!

- А ты меня, Генка, не обижай! - в свою очередь окрысилась подгулявшая тётушка. - Не люблю, ох, Генка, не люблю!..

Старушка снова заплакала.

- Зря ты на Светку взъелась, - не слушая её, продолжал доказывать своё Генка. - Что ты к ней пристебалась? Ты, тётка, за тех бы лучше взялась, за «детей» Капитана Флинта! А Светка - баба путёвая, за квартиру вовремя платит и вообще...

- Не учи меня, Генка, что учишь-то? Не люблю, когда учут! - твёрдо стояла на своём старушонка.

- Иногда, тётка Катя, полезно, чтобы и яйца курицу поучили, - вкрадчиво возражал ей Генка. - Вот ты скажи мне, к примеру, кто такая Светлана?

- Вертихвостка, шалава уличная! - живо охарактеризовала свою квартирантку тётка Катя.

- Ошибаешься, тётушка, эк куда тебя понесло, - взмахнул рукой грамотный Генка. - Это твой Капитан Флинт вертихвостка, а Светлана - официантка! Ты знаешь, что такое официантка? Это же денежный человек... Бутылку всегда поставит. А связи у неё какие? - Генка вопросительно уставился в глаза тётушки.

- Какие-такие у неё связи? - в свою очередь повторила за ним старушонка.

- Райкомовцы всё, обкомовцы, директора всякие, врачи! - торжественно объявил Генка. - Забыла, тётушка, как на прошлой неделе чёрную икру ложкой хавала? А баночное пиво?.. Эх, ты!.. А кто эти пираты - «дети» Капитана Флинта? Алкоголики! На халтуру бухают. Какая с них польза-то? Как с козла молока. Есть у них «бабки» - накачивают твоего деда, а

нету – так он же их сам и поит, дармоедов! На халтуру и уксус сладкий... Гнать их надо, тётка Катя, в три шеи! Гляди, они ещё хату у вас отберут. Очень даже просто... А вас с дедом прибьют и в Дон покидают.

– Капитану Флинту виднее, и ты его, племяш, не учи! – категорически отрезала старуха.

– Тётка! – повысил голос племянник. – Я им морды побую, квартирантам твоим! Вот ей-богу, надаю по физиономии.

– Спокою хочу, Генка, – огрызнулась взлохмаченная ведьма. – Ты шуруй отселева! Шуруй, Генка, катись колбасой, – не люблю когда хари бьют, не люблю.

– Так ты, значит, гонишь меня? – горько спросил у неё раздосадованный племянник Генка и угрожающе сжал кулаки...

Неизвестно, чем бы окончилась сцена, если бы в кухне в этот момент не появился новый персонаж нашего повествования – Светлана.

– Фу ты, ну ты – бегом всю дорогу чесала, едва под закрытие успела! Вечно высидитесь до последнего, – отрапортовала она, едва переступив порог помещения.

– Что узяла? – каким-то магическим шёпотом спросила тётка Катя, жадно ощупывая взглядом Светкину нейлоновую сумку.

Племянник Генка поглядел совсем на другое... что обычно находится у женщины позади – ниже пояса и выше колен. Глаза его при этом заблестели, как у кота.

Светку телом бог не обидел. Крупное, как будто взбитое на дрожжах, затянутое в синее вязаное шерстяное платье, тело это служило постоянным объектом Генкиного внимания. Генка давно имел на неё виды...

Светка между тем выставила на стол бутылку «Столичной», похожую на белого лебедя с обломанными крыльями, и, подойдя к Генке, подала сдачу и распечатанную коробку папирос «Беломор-канал». Обращалась она к бабкиному племяннику почему-то на «вы»:

– Возьмите ваши сдачи, Геннадий Германыч, и «Беломор». Я парочку одолжила, можно?

– О чём разговор, Светик! – расплылся в слащавой улыбке Генка. Он выудил из пачки беломорину, подцепив её грязными, не стриженными ногтями за мундштук, и с наслаждением задымил.

- Не переносу, когда курют, - потянув носом воздух, сморщилась старушонка.

- Выйди в коридор, - посоветовал Генка.

- Спокою хочу!.. А ну шуруйтя отсюда оба! - взорвалась ни с того ни с сего Генкина тётушка и ухватилась за горлышко принесённой Светкой бутылки. - Чтоб духу вашего здесь не было, плизервативы!..

- Харэ, тётка Катя, только без рук! - замахал на неё племянник, отбирая бутылку. - Светка, наливай, я требую продолжения банкета!..

Светка ловко разлила водку по стопкам и ожидающе уставилась на бабкиного племянника.

- Выпьем за то, - проговорил Генка, беря свою порцию, - чтобы все наши тайные желания обязательно становились явными!

Он многозначительно подмигнул Светлане и, быстро взмахнув рукой, вылил содержимое стопки себе в рот. Светка, смеясь глазами, выпила вслед за ним, скривилась, искала, чем бы загрызть, и, ничего не найдя, замахала перед ртом ладошкой. Бабка грубо, по-мужски, саданула стопку, утерлась рукавом и снова, набычившись, стала клевать носом.

- Зря мы ей наливали, - кивнула на вырубившуюся бабку Светлана, - глядите, как развезло!

Со старушкой и впрямь в этот миг начало твориться что-то неладное. Её вдруг ни с того ни с сего сильно повело влево. Чуть не свалившись с табуретки, бабка Катя кое-как выпрямилась, но тут её повело вправо и стукнуло о стенку. Потом её качнуло назад и сразу же резко кинуло вперёд - прямо на заваленный грязной посудой стол. На столе что-то загремело, на пол с визгом полетела алюминиевая миска с лохмотьями солёной капусты, вслед за которой проворно последовала и сама хозяйка.

- Готова! - весело объявил Генка и, подхватив «мёртвое» тело своей любезной тётушки, небрежно, как куль, отволок его в спальню. Светлана помогала, брезгливо поддерживая грязные, с потрескавшимися жёлтыми пятками, остро смердящие бабкины ноги.

- Пойдём перекурим? - отдуваясь, предложил Генка Светлане, после того как бабка Катя была водворена на не разобранный кровать.

- Погнали, - охотно согласилась Светка, накидывая на плечи бабкин тёплый платок, поеденный во многих местах молью.

Генка прихватил с собой начатую бутылку водки, стопку и краюху чёрствого хлеба, найденную на столе.

На дворе царил таинственный голубой полусумрак, навевающий в разгорячённый алкоголем мозг сексуальные мысли. Апрельское жаркое солнце давно село за неровной грядой городских новостроек. Выглянули первые, робкие ещё звёздочки. Некоторые из них мигали, как будто это были вовсе не звёзды, а неопознанные летающие объекты. Луна пылала серебряным пламенем. Мимо неё тянулись рваные куски чёрных облаков, похожие на дым от пожара. Виноград, густо оплетавший бабкину веранду, отбрасывал на стену дома причудливые узоры. За забором у соседа-армянина ярко горела уличная лампочка.

- Шайка Капитана Флинта не скоро нагрянет? - с тревогой спросил у Светланы Генка, поёживаясь от вечерней прохлады.

- Нет, Геннадий Германыч, не скоро ещё. У них сегодня стипендия в техникуме, до утра не заявятся, - успокоила его девушка.

- Однако, светло-то здесь как, на веранде, - поставив бутылку на перила и раскуривая папиросу, проговорил Генка. - Пойдём, что ли, в сад, Светочка? Посидим под деревом на природе... Как в детстве, знаешь...

- Пойдёмте, что ж, я согласная, Геннадий Германыч, - быстро приняла заманчивое предложение Светлана.

Бабкин племянник увлёк её в самый дальний конец двора. Вскоре там вспыхнули два красных огонька от закуренных папирос, иногда доносились какие-то непонятные звуки, создававшие впечатление поцелуев...

2. Генка Портянкин

Несмотря на поздний час, жена спать ещё не ложилась. Она что-то стирала в ванной, поминутно выходя на балкон и вывешивая постиранное.

Генку всего так и перекосило от нескрываемой злости.

- Ты ещё не спишь? Бессонница у тебя, что ли? - грубо проговорил он, захлопывая за собой входную дверь квартиры.

- Не управилась я вовремя, Гена, - стала оправдываться жена
- худенькая миниатюрного телосложения женщина с волосами, закрученными на затылке в тугий узел и покрытыми сверху легкой голубой косынкой.

Пьяный Генка с размаху подфутболил сломанную детскую игрушку, подвернувшуюся под ноги, и, не разуваясь, прошёл в карликовую, заваленную всевозможными вещами, кухню. Плюхнувшись грузно на заскрипевший под ним стул, отчётливо, по слогам, приказал:

- На-ли-вай! - и грохнул кулаком по столу на манер своей непутёвой тётушки.

Покорная жена его, сейчас же оставив стирку, метнулась к холодильнику и, вытащив большую бутылку крепленого грузинского вина, вероятно, специально припасённого для подобного случая, налила полный стакан.

- Себе тоже налей! - повелел Генка Портянкин.

Женщина плеснула себе третью часть Генкиной дозы. Не чокаясь выпили. Генка, скривившись, долго искал чем бы закусить. С отвращением откусил половину засохшей вареной картофелины, остальное с остервенением швырнул в раковину.

- Никогда пожрать не приготовит, жена называется! В доме хоть шаром покати...

Женщина промолчала.

- Всё сидишь здесь... стираешь, ковыряешься, - продолжал пьяно бубнить бабкин племянник Генка. - Другие жёны, посмотришь, то к матерям поедут, то ещё куда... На курорт отдышать... А эту - как привязали! Когда ты куда-нибудь от меня уедешь?

- Я пойду, Ген, - вместо ответа робко попросила женщина.

- Стирать?

- Да. Анюте завтра в школу не в чем идти. Я быстро, - оправдывалась жена.

- Завтра и достираешь - утром, - тоном, не допускающим возражения, проговорил Генка и налил себе ещё полстакана вина.

- Ты мне, жена, не перечь! Не люблю, когда перечат! Сама, думаю, знаешь, - продолжал он, осклабившись, и грубо потрещал её за щеку.

Поняв его, та скомкала передник и вышла. Генка выпил ещё вина и сидел, покачиваясь, на стуле. Приятно улыбаясь, он мысленно воскрешал все соблазны ядрёного женского тела, какой-нибудь час назад принадлежавшего ему в саду тётки Кати. Не часто судьба дарит такие подарки... А что касается тёткиной квартирантки Светланы, – так и вовсе в первый раз!

Оставив недопитую бутылку вина на кухонном столе, Портянкин, покачиваясь, прошёл в спальню. По всему его телу разливалась приятная истома. Распаяя себя, Генка перебирал в уме пикантные сцены из просмотренных западных кинофильмов с обнажёнными красавицами, представлял на их месте собственную супругу. Он уже давно совершенно не интересовался женой как женщиной, предпочитая ей случайные связи. Более того, с некоторых пор она ему стала даже противна. То есть – с тех пор, как появилась у тётки Кати полногрудая квартирантка Светлана.

В спальне, у окна, задёрнутого тюлевой занавеской, в мутном свете уличного фонаря, отпечатывалась согнувшаяся полуобнажённая фигура жены. Генка Портянкин гадливо сплюнул и, нецензурно выругавшись про себя, плюхнулся как был, в одежду, на разобранную кровать.

– Маринка, сними с меня босоножки! – прокричал он затем на всю комнату, вытягивая поперх тонкого одеяла свои обутые ноги.

Жена, оставшись в одних белых прозрачных трусиках, мягко ступая по ковру босыми ногами, приблизилась к мужу. Он, подавая ей поочерёдно то одну, то другую ногу, затем – руку, и другую руку, позволил раздеть себя как маленького ребёнка, что, впрочем, доставляло ему огромное удовольствие. Супруга же со своими маленькими шариками грудей, втянутым животом и сухощавыми бёдрами не вызывала в нём никаких иных чувств, кроме досады и неосознанного озлобления. Он редко удовлетворялся своей женой и потому обращался с ней особенно грубо.

Портянкин давно уже перестал видеть в своей жене человека, а видел только вещь, принадлежавшую ему, – даже игрушку. Однако игрушка эта порядком уже ему надоела, и Генка мучился, не зная, на что решиться. Вначале, бывая со своей женой в постели, он представлял себя с другой женщиной – какой-нибудь безобразной толстухой, увиденной перед этим где-нибудь в трамвае или на Центральном рынке. Потом это перестало помогать, и Генка с ужасом понял, что становится бессилён... Бессилён не вообще, по отношению к женщинам, а только со своей женой!

Так случилось и в этот раз. Акт, названный в определённых кругах половым, продолжался чуть ли не полчаса и не принёс Генке Портянкину ровно никаких ощущений. Он видел, как несколько раз за это время изменялось поведение его жены. От сосредоточенно-испуганного малоподвижного до истерически-взвинченного, почти безумного, и наоборот... Генка оставался холоден, как айсберг, Ещё через некоторое время, устав, он крепко уснул, отвалившись от жены на подушку.

«Уснул!» – подумала с облегчением женщина, всё ещё не меняя позы, в которой оставил её супруг. Тёплая волна чего-то приятного, ещё так недавно ввергавшего в небытие, медленно покидала казавшееся невесомым тело. Спутанные мысли блуждали где-то за стеной комнаты, в безвоздушном пространстве. Там, в совсем другом, розовом мире... С другими людьми и совсем другими отношениями между ними. В том мире не было грубости и насилия, не было пьяных гулянок, драк и каждодневных скандалов. Не было ничего кроме любви. Одной только любви...

Затем видение прошло, остались обыкновенные человеческие мысли о завтрашнем дне, о работе, о дочери... Вскочив с кровати и накинув на ходу халатик, женщина прошла в соседнюю спальню к дочери. Поправив у неё сбившуюся подушку и поцеловав девочку в лобик, она направилась в кухню. Вскоре там зашипел поставленный на газовую плиту чайник.

3. Капитан Флинт

...У бабки Кати в это время всё ещё продолжалась гулянка. Заявилась где-то блуждавшая до этого шайка Капитана Флинта.

Непосвящённому читателю следует объяснить, что Капитаном Флинтом называл себя законный супруг бабки Кати дед Антон, работавший когда-то в молодости на речном флоте в качестве судового кока. С тех пор и осталась у старика страстная любовь ко всему флотскому. Дом свой дед Антон решительно переименовал во «флагман». На комнаты говорил «каюты». Старуху свою, бабу Катю, почтительно величал боцманом, а себя, как уже было сказано выше, нарёк Капитаном Флинтом.

Помимо известной читателю квартирантки Светланы, жившей в одной из узких «кают» дедовского дома-«флагмана», в отдельном флигеле поселились ещё два квартиранта. Это были

приятели-однокурсники, заканчивавшие в следующем году автодорожный техникум, Лёньчик и Виталик.

Регулярно, в начале каждого месяца получая в «технаре» стипендию, Лёнька с Виталиком в тот же день аккуратно выплачивали Капитану Флинту причитающуюся с них квартирную плату. Потом они втроём шли в ближайший пивбар и там так же аккуратно пропивали с дедом Антоном вначале обе свои стипендии, включая и квартирную плату, выданную перед тем деду, а после – и его пенсию. Затем, до новой стипендии, их поил уже сам Капитан Флинт. В начале следующего месяца получалась в техникуме стипендия, деду Антону торжественно вручалась квартирная плата, и всё начиналось заново.

В техникуме Лёньку с Виталиком ребята в шутку окрестили «детьми Капитана Флинта». Среди мальчишек вообще издавна наблюдается удивительная страсть ко всякого рода прозвищам. Переименовываются учителя, родители друг друга. Сами себя мальчишки переименовывают в первую очередь. Переименовываются названия предметов, наименования различных школьных кабинетов и комнат. Даются меткие прозвища деталям одежды, порой даже абстрактным понятиям. Причём людям частенько даются смешные, оскорбляющие их клички. В частности, таковыми бывают прозвища, придуманные учениками. Даются эти обидные имена отнюдь не от злого умысла, а даже наоборот, по причине симпатии и расположения к товарищу. Смех при повторении таких названий бывает самый наидобродушнейший.

Таково и было присвоенное Лёньке с Виталиком прозвище «дети Капитана Флинта». Виталик, кроме того, имел в группе ещё и персональную кличку, которая дана была за его вечно помятый, растрёпанный после регулярных выпивок вид. Лицо у него по утрам обычно было в каких-то полосах и морщинах, так что название являлось очень метким: «Человек, который спит в авоське». Впоследствии он стал просто Авоськой или Авоськиным, хотя фамилию имел Пивоваров.

Лёнька был не столь примечательной личностью в группе. До армии с Виталиком знаком не был, зато хорошо знал бабкиного племянника Генку. Виталик, наоборот, водил давнюю дружбу с Капитаном Флинтом, так как был по своей основной специальности рулевым-мотористом и частенько плавал со стариком на речных судах до его, деда Антона, ухода на пенсию.

Теперь перейдём к непосредственному описанию этой компании. За небольшим кухонным столом, заваленным грязной посудой,

где перед этим распивала водку бабка Катя со своим племянником, сидело четыре человека. С левой стороны, у стенки, уже известная нам квартирантка Светлана обнималась с высоким худощавым Виталиком. С правой стороны Капитан Флинт с коренастым черноволосым Лёнкой пели старинную пиратскую песню, услышанную как-то в кинофильме «Остров сокровищ». Пели они хоть и заплетающимися языками, но очень серьёзно, так что со стороны представляли из себя довольно потешное зрелище.

Виталик, постоянно ревновавший Светлану к бабкиному племяннику Генке, спрашивал теперь у неё, хмуря сердито брови:

- Ну, что, был сегодня на «флагмане» этот дурак Портянкин?

- А я почём знаю? Я с ним не спала! - игриво кокетничала официантка Светлана. Однако, по её виду можно было предположить обратное.

- Врёшь, Светка, он здесь был! - не унимался Виталик.

Раскрасневшийся черноволосый, как цыган, Лёнка доказывал что-то Капитану Флинту:

- Нет, подождите, подождите, дедушка. Не так!.. Вот послушайте, как надо...

И Лёнка начинал жалобным голосом тянуть новый куплет своей бесконечной пиратской песенки. Дед Антон плакал, обнимая одной рукой поющего Лёнку, а другой - нащупывая бутылку вина, стоявшую перед ним на столе.

Перед Светланой с Виталиком стояла точно такая же поллитровая бутылка с виноградным листом на красной замусоренной этикетке. Виталик то и дело наливал из неё вино себе и Светлане в небольшие гранёные стаканчики. Потом они звонко стукались этими стаканчиками и, произнеся какой-нибудь пересыпанный ругательствами тост, выпивали вино, сильно при этом морщась. Причём Виталику пить вино, по всей вероятности, уже не хотелось. Он громко икал после всякой выпитой стопки, и каждый раз казалось, что он вот-вот всё это вырвет прямо на колени Светке. Девушка хлопала его по спине и совала в рот жестяную кружку с холодной водой. Сама она пила вино с видимым удовольствием. Она уже достигла того рубежа, когда человек пьёт вино, почти не пьянея. Светлана пила всегда наравне с мужчинами и даже больше их, и все удивлялись этой её способности никогда не пьянеть. Виталик же допивался до чёртиков, так что Светлане нередко приходилось доставлять его на «корабль» Капитана Флинта на своих могучих плечах.

Светлана не была невестой Виталика. Она вообще не считала себя чьей-либо невестой в отдельности и постоянно принадлежала многим мужчинам. Этому отчасти способствовала её работа официанткой в одном из лучших ресторанов города. Светлана была в меру скромна на людях и этим всегда поддерживала о себе хорошее мнение.

Виталика она просто жалела по-человечески. Бабкиного племянника Генку Светлана уважала за его ум, с остальными было сложнее...

В число этих остальных входили: два майора, один обкомовец, какой-то приезжий – не то грузин, не то азербайджанец, местный армянин со смешной фамилией Мкртчян, лётчик гражданской авиации и молодой парень-таксист лет двадцати или немного больше.

Каждый из этих товарищей не без основания считал Светлану своей невестой, с каждым из них она познакомилась в ресторане, и потому там постоянно происходили сцены. Дошло один раз даже до драки между молодым парнем-таксистом и приезжим грузином или азербайджанцем, кончившейся, впрочем, без серьёзных последствий. Молодого таксиста увезли в неотложку с ножевой раной в боку, а приезжего то ли грузина, то ли азербайджанца – забрали в милицию.

Светлана растерялась, не зная, что предпринять. Ездил и в больницу к раненому таксисту, и в тюрьму к находившемуся под следствием то ли грузину, то ли азербайджанцу, возила и тому, и другому скромные передачи. Потом одного посадили, другой выписался из больницы и уехал для чего-то на БАМ, а Светлана так и осталась работать в своём ресторане, уже отчаявшись выйти когда-нибудь замуж.

Постепенно связь с несколькими мужчинами притупила в ней это благородное, свойственное любой мало-мальски порядочной женщине, стремление. Светлана смирилась со своим неопределённым положением и в конце концов сама бы уже не согласилась – даже если бы и нашёлся желающий – выйти за кого-нибудь замуж.

С Виталиком она ещё не определилась и потому он так настойчиво ревновал её к бабкиному племяннику Генке.

Сейчас Виталик возбужденно говорил Светлане, потрясая в воздухе крутым жилистым кулаком:

– Не будь я «сыном» Капитана Флинта, если завтра же не разобью морду твоему Портянкину!

– Вот ещё, Виталь, на что он мне сдался?! – продолжала упрямо защищаться Светка. – У него жена есть и ребёнок – у Потрянкина этого! Такое выдумашь...

Виталик мрачно её слушал, не обращая внимания на продолжавших горланить свою страшную песню деда Антона и Лёньчика. Они, между тем, пропели уже все известные им куплеты и затаили по новой. Песня звучала примерно так:

Приятели, быстреей разворачивай парус!

Йо-хо-хо, веселись, как чёрт!

Капитан Флинт страшно перевирал слова, и в то время, когда Лёнька, к примеру, пел: «Берег принимай обломки», Капитан Флинт затягивал совершенно другое.

Комната в общих чертах напоминала палату сумасшедшего дома. Особенно после того, как, проснувшись от сильного шума, в кухню ввалилась взлохмаченная полуодетая и всё ещё пьяная бабка Катя. Выпив поднесенную ей штрафную, старушонка пришла в неистовый восторг и, высоко задирая длинные худые ноги, принялась плясать какой-то дикий безобразный танец. Все хлопали в ладоши, а Виталик, взяв в руки веник, стал имитировать гитариста, громко выкрикивая пересыпанные матюками частушки...

Легли спать далеко за полночь...

4. Во флигеле

На следующий день Виталик не пошёл в техникум. Лёнька кое-как поднялся.

– Скажи там, что я заболел, ладно? – слабым голосом попросил друга Виталик.

Лёнька пообещал исполнить его просьбу и поспешно вышел на улицу. Виталик выглянул из флигеля и, увидев пробежавшую по двору Светлану, окликнул её:

– Светка, иди сюда, не могу!..

– Чего тебе? Говори быстрее, опаздываю! – нетерпеливо спросила, подбежавшая к нему Светлана.

– Помираю, Свет! Вызывай катафалку – венки за мой счёт...

- Короче!.. - девушка сделала нетерпеливый жест.
- Свет, а Свет, достань справочку!
- Где я тебе её достану?
- Ну у вас же есть там чувак. Ты ведь раньше доставала, Света!
- жалобно взмолился Виталик, так что Светлана сжалась над ним и пообещала:
- Хорошо, достану тебе справку, только не умирай, пожалуйста. С тебя бутылка!
- Лады, Светик, во сколько прийти? - обрадовался Виталик.
- Где-то после обеда. Чао! - Светлана, хлопнув дверью, умчалась. Виталик остался один во флигеле.

Полежав ещё немного на скрипучей кровати, он решительно откинул тонкое серое одеяло, встал с постели и, пошарив на столе, нашёл помятую сигарету. Закурив, он стал ходить без всякой цели по комнате, облачённый в одни только розового цвета плавки. Курить ему совсем не хотелось. После первых же затяжек в голове так закружилось, а к горлу подкатила такая тошнота, что Виталик сейчас же с отвращением выбросил сигарету и поспешно лёг на кровать.

Во дворе было тихо. Старики, по-видимому, ещё не вставали. Виталик вспомнил вчерашний день, Светлану - и в груди у него отчего-то защемило. Ему вдруг стало так одиноко и тоскливо, так ему захотелось какого-нибудь к себе участия, что парень не удержался и, снова соскочив с кровати, подошёл к заваленному книгами и всякими бумагами подоконнику. Там он без труда отыскал то, что ему было сейчас нужно. Это был какой-то сильно потрепанный иностранный журнальчик с раздетой до трусов женщиной на толстой картонной обложке. Опасливо покосившись на окна, Виталик приблизился к двери и запер её на щеколду. Лёг на кровать и принялся с интересом рассматривать этот иностранный журнал с полуобнажённой женщиной на потёртой обложке. По всей вероятности, он уже много раз смотрел его, так как сейчас неторопливо смаковал каждую фотографию.

Не будем описывать положение его длинного костлявого тела. Во всех подробностях это будет совсем не интересно и даже противно. Отметим только, что лежал Виталик на спине, держа журнал в полусогнутых руках перед глазами. И чем дольше он разглядывал каждый неприличный снимок, тем сильнее и сильнее начинали дрожать его руки, крепко сжимающие «запретный плод» западной демократии. Виталик

желал бы сейчас каждую из запечатленных в журнале девушек и молодых женщин. Они так легко и просто обнажали себя там, в кадрах, под пристальными взглядами улыбающихся мужчин, что и Виталику начинало казаться всё это до смешного простым и лёгким. Особенно ему нравился своеобразный комикс для взрослых. Небольшая пикантная историйка, даже фоторепортаж, выражаясь языком газетчиков, о весёлом времяпрепровождении двух молоденьких лесбиянок в доме пожилого, одинокого и богатого американца.

Вдоволь насладившись одним журналом, Виталик нашёл другой, предназначавшийся, вероятно, не столько для мужчин, сколько для женщин. На страницах этого хорошо иллюстрированного издания наряду с обнажёнными, занимающимися запретной любовью лесбиянками, запестрели и красноречивые снимки мужчин гомосексуалистов, а равно и онанистов, мазохистов, фетишистов, вуайеристов, анималистов, нарциссистов и, наконец, садистов.

Виталик до этого даже и не предполагал, что существует столь обширная классификация половых отклонений, присущих в равной степени как женщинам, так и мужчинам.

Где-то там, в другом интересном капиталистическом мире, за тридевять земель и морей, разгуливают эти ненастоящие мужчины с накрашенными яркой помадой губами, в женских шляпках, в чулках и в юбках. С ними знакомятся другие – настоящие мужчины, облачённые, как и подобает их званию, в строгие костюмы, увенчанные шляпами, – с удавками галстуков на жилистых кадыкастых шеях голливудских суперменов. Ведут ненастоящих мужчин в ресторан, затем – в номер... Спадают на пол кружевные хлопья женских нижних интимностей, смыкаются в поцелуях алчущие запредельного рты... И сидит где-то на кухне стопроцентная американка, тоскующая о не ночевавшем дома супруге. «Шерше ля фам» – как говорят французы. Ищите женщину!..

Виталику тоже невыносимо захотелось вдруг последовать их примеру... Он отложил в сторону журнал и принялся массажировать пальцами свой член. От этого ему стало очень приятно. Примерно такое же ощущение испытывает мужчина, когда ложится в постель с женщиной. Но женщины не удовлетворяли Виталика. От подобных самостоятельных действий он получал гораздо больше удовольствия и потому избегал последнее время половых сношений с женщинами. Об этой его страсти знали все без исключения обитатели дома Капитана Флинта, включая и бабкиного племянника Генку. Все они не раз уже были свидетелями этих его занятий, и Виталик

не очень от них скрывался.

Вот и сейчас, проходившая по двору бабка Катя, заинтересовавшись чем-то, заглянула в окно стоявшего неподалеку от туалета флигеля.

Виталик уже кончил своё занятие, но ещё не одевался и, как был, голый, лежал на кровати, широко разбросав ноги. Бабка Катя перекрестилась и, сплунув, брезгливо отпрянула от окна.

- Тьфу ты, нечистая сила! Нанис поганый!.. Чтоб тебе пусто было, окаянному! Стыдоба-то какая, господи, - зашептала она чуть слышно и прошла дальше, в уборную.

Но, несмотря на эти свои обидные слова, адресованные голому Виталику, бабка Катя вовсе не осуждала его занятие, называемое «детским грехом». Она знала, что подобных людей принято называть «нанистами», как принято, к примеру, называть пьющих людей алкоголиками. Она знала также, что заниматься «нанисмом» нехорошо, как нехорошо, к примеру, пить вино, но сама, тем не менее, употребляла это самое вино и потому не сильно осуждала и Виталика. Наоборот, ей иной раз даже самой вдруг хотелось увидеть его за этим непонятным занятием - «нанисмом».

Сделав в сортире всё, что ей там нужно было сделать, бабка Катя на цыпочках снова подошла к флигелю.

Виталик уже не лежал, а сидел на скомканной постели, поджав под себя, по-турецки, голые ноги. Перед ним лежал всё тот же иностранный журнал, и делал Виталик всё то же своё непонятное дело, которое - как твёрдо уже знала бабка Катя - называлось «нанисмом».

Весь поглощённый своим занятием, Виталик не замечал подсматривавшей за ним бабки Кати. Он то приподнимался на ноги, то снова падал на коленки, производя при этом лицом всякие смешные гримасы. Он как будто что-то шептал скороговоркой, перебирая высохшими губами. Глаза его вывалились из орбит. Виталик ни на минуту не оставался спокоен и всё время двигал всем своим худощавым телом. Правая рука у него была занята собственным пенисом, левой он для чего-то мял свои прыщеватые ягодицы, так что бабка Катя, не удержавшись, хихикнула за окном и тут же зажала ладонью рот.

Бабка Катя ещё раз быстро перекрестилась и, оторвавшись от забавного зрелища, торопливо засеменила в свой дом. Она предполагала, что подсмотрела за Виталиком тайком и была очень довольна своей хитростью. В глубине души

она даже считала себя несколько виноватой, так как знала, что подглядывать нехорошо. По её старческому разумению, не Виталику должно было быть стыдно за своё занятие «нанисмом», а ей самой, – как если бы она, к примеру, подглядывала за мужчинами в бане или в мужском сортире. Вот почему баба Катя так испугалась тогда, когда Виталик, выкинув какую-то штучку, вызвал у неё истерический смешок.

Но каково бы было её удивление, если бы баба Катя узнала, что Виталик ещё раньше, в самом начале своего занятия, увидел её в окне с помощью зеркала, висевшего в дальнем углу флигеля. Он не только не прекратил сразу же своего занятия, но, наоборот, воодушевлённый её наблюдением, продолжил всё то, что до этого делал. Виталик получал огромное наслаждение едва ли не от одного того, что за ним тайком кто-то подглядывает!..

5. В ресторане

Светлана принимала заказ у модно одетого седоволосого мужчины в очках, сидевшего за столиком с молодой симпатичной женщиной, когда её вдруг позвали.

– А, это ты, Виталик, – выглянув в коридор, равнодушно проговорила Светлана. – Я сейчас, подожди минуточку.

Виталик охотно согласился подождать её минуточку, и Светлана исчезла минут на двадцать.

Потом она появилась в сопровождении рослого – выше Виталика – парня в хорошем, аккуратно отглаженном костюме и, показав на него Виталику, предложила:

– Вот, Виталь, познакомься, это Эдик, он всё тебе сейчас сделает, а я побежала. Потом зайдёшь, Виталя, похмелю!

– Ладно, – отмахнулся от неё Виталик и протянул свою крепкую руку Эдику.

– Будем знакомы.

– Да, да... Пожалуйста! – заговорил Эдик, от чего-то смущённо пряча глаза и неуверенно подавая свою белую холёную руку. – Будем знакомы, Виталий. Конечно!.. Сейчас, извините...

Эдик, продолжая произносить свои пустые, ничего не значащие слова, поспешно вынул из бокового кармана пиджака тонкий блокнот и ручку.

- Прошу вас... Виталий... инициалы как ваши? - Эдик вопросительно взглянул на Виталика и приготовился записывать.
- Виталий Николаевич Пивоваров, - продиктовал не перестававший удивляться Виталик.
- Дальше, извиняюсь... Где работаете?
- Учусь, - поправил его Виталик. - В автодорожном техникуме.
- Да, да... автодорожный техникум. Очень хорошо... - повторял для чего-то Эдик.
- Теперь, извините меня... Прошу вас... Число, год, месяц рождения? Будьте добры, пожалуйста...

Виталик, недоумевая по поводу столь странной любезности, отвечал ему на всё, о чём тот спрашивал.

Записав, наконец, все интересующие его сведения в свою записную книжку, Эдик попросил подождать некоторое время и скрылся за дверью ресторана, выходящей на улицу. Виталик прошёл в зал. Светлана, заметив его, сейчас же подошла и, усадив за столик, поинтересовалась:

- Ну, как тебе, Виталя, наш Эдик?
 - Ничего, а что? - переспросил свою подругу Виталик.
 - Ладно, потом расскажу. Ты кушать будешь?
 - Нет. Лучше водки принеси - похмелиться!
 - Ну и закусочки само собой. Так ведь водку не выпьешь, - проговорила, уходя, Светлана.
- Виталик ждал её недолго. Светлана вскоре вернулась с тарелочкой на подносе и маленьким графинчиком водки.
- Ты будешь? - спросил её, наливая себе водку, Виталик.
 - Ну, что ты, Виталя, я на работе! С ума сошёл! - укоризненно взглянула на него Светка.

Виталик, однако, точно знал, что пила она и на работе. Особенно вечером, когда было больше посетителей и, следовательно, меньше порядка.

Выпив водки и хорошо закусив, Виталик заметно ожил. Ему стало приятно находиться в ресторане. Вскоре появился Эдик.

- Вот вам справка, Виталий. Пожалуйста... На двое суток. Возьмите...

- Хорошо! - перебил его длинную речь Виталик. Ему вдруг очень захотелось выпить ещё водки.

- Садись, Эдик! Садись со мной, - проговорил он, усаживая своего нового знакомого за столик и в надежде проверяя свои карманы. Денег, увы, не было.

- Эх, чёртова жизнь! - с досадой посетовал Виталик, уныло взглянув на Эдика. - Деньги, деньги... Проклятые деньги. Но ничего, друг, бутылка за мной! Обещаю.

- Что вы, Виталий, и не думайте, прошу вас!.. - отчаянно запротестовал Эдик.

- Нет, за мной! Ты ещё не знаешь Виталика, - разошёлся подвыпивший Пивоваров и попробовал позвать Светлану.

- Светочка, цветочек, займи три рубля до завтра!

Светлана только махнула на него рукой, пробегая мимо с подносом. Эдик мягко удержал за плечи порывавшегося встать Пивоварова.

- Прошу вас, Виталий!.. Вы можете меня выслушать?... Возьмите, пожалуйста, вот это... Я сейчас вернусь. Очень прошу вас!..

Эдик, сунув в руку Виталику небольшой листок белой бумаги, поднялся из-за стола и вышел в другую комнату, куда то и дело заходили официантки.

Виталик бегло взглянув на листок, понял, что ему дали какой-то адрес, но толком не мог уяснить, для чего. Эдик пришёл с таким же подносом, с каким до этого подходила Светлана.

- Вот, прошу вас, Виталий, кушайте, пожалуйста... Выпейте для аппетита!.. Вот водочка... в графинчике.

- Да, я знаю, - закивал головой, польщённый угощением, Виталик. - Ты выпей тоже чуть-чуть со мной. Хорошо, Эдик? - неуверенно предложил он официанту.

- Да, я сейчас... не беспокойтесь, - проговорил, уходя относить поднос, Эдик.

Виталик продолжал удивляться этой его манере заискивающе разговаривать. Ему даже иной раз становилось как-то совестно и неприятно под влажным, кошачьим взглядом Эдика. Как будто бы он, Виталик, украл у него, Эдика, какую-нибудь вещь, и тот вот-вот должен его уличить, но только не знает, как это лучше сделать.

Эдик между тем вернулся, уселся на своё прежнее место, рядом с Пивоваровым, и, взяв предложенную Виталиком водку, быстро,

не оглядываясь по сторонам, выпил. Виталик тоже выпил и ощутил приятный, разливающийся по всему телу хмель. Эдик показался ему теперь намного привлекательнее, чем вначале. Он даже попробовал похлопать его по плечу и чуть не опрокинул стоявший на столе бокал, из которого только что выпил водку. Эдик едва успел подхватить бокал своей мягкой белой рукой.

- Ничего, Виталий, всё в порядке!.. Пожалуйста... - говорил он раскрасневшемуся от выпивки Пивоварову. - Вы адрес не потеряете?.. Тот... Ха-ха-ха-ха... Не забыли?..

- Что адрес? - недоуменно взглянул на него Виталик. - Какой адрес?

- Видите ли, Виталий Николаевич... - попытался что-то растолковать ему Эдик, - я уверен, вы мужчина порядочный, вы поймёте меня... Прошу вас... Извините меня, Виталий, если что-нибудь было не так... Я, понимаете ли, человек одинокий... Там, в записке написано...

- Что там написано? - снова переспросил Виталик.

- Видите ли, Виталий Николаевич, - продолжал в чём-то оправдываться Эдик.

Виталика сместило это его обращение к нему на «вы» и, ко всему прочему, по имени-отчеству. Внешне Эдик казался даже старше Виталика. Года на два или три. Примерно, ему можно было дать лет двадцать семь - двадцать восемь. Виталику же исполнилось только двадцать пять.

Эдик тем временем подходил постепенно в своих пустопорожних разглагольствованиях к самому главному.

- Я, Виталий Николаевич, человек одинокий, - говорил Эдик. - К тому же я очень несчастен. Да, да, Виталий Николаевич, я несчастен! Всё мое несчастье заключается в том, что я был влюблён. Я был влюблён... в мужчину!.. Да, да, Виталий, не смейтесь надо мной, пожалуйста, я и без того несчастен. Я был влюблён в друга - моего одноклассника. Вначале это была любовь чисто платоническая, но потом, после окончания школы, когда мы вместе поступили в политехнический институт, он стал со мной жить как с женщиной!.. Понимаете ли, Виталий Николаевич, я не мог ничего с собою поделаться, я любил его и не мог без него жить. Да, да Виталий Николаевич, я любил его, как женщина любит мужчину. Я делил с ним постель, я позабыл совершенно, что рождён мужчиной. Одна только мысль о разлуке с ним повергала меня в трепет. И он тоже любил меня, Виталий Николаевич. Ах, если бы кто-нибудь знал, как мы друг друга любили! Если бы кто-нибудь понял это... Но

нас разлучили... Нас как-то застали прямо в постели. Занятые любовью, мы пренебрегли осторожностью и не закрыли на замок дверь нашей комнаты. Его тут же забрали в милицию, а мне пришлось бросать институт и срочно переезжать в другой город. Вы сами понимаете, Виталий Николаевич, какая буря поднялась в институте после такого открытия. Я думал, что не переживу этого. Я хотел отравиться... Ох, как вам объяснить это, Виталий Николаевич? Каким образом?..

- Так ты что же... значит, ты пидорас?! - перебивая, брезгливо уставился на него Виталик. - Ты что же... это... да?.. С мужиками, да?

- Да! - горячо проговорил Эдик. - После всего, что со мной было до этого, я больше не смог стать мужчиной. Я превратился в женщину!.. Понимаете, Виталий Николаевич, женщина с мужским телом... Как я был несчастен из-за этого. Меня не понимали. Меня травили и презирали. Меня ненавидели и даже били, но что я с собой мог поделать? Женщину я совершенно не знал. Она мне была страшна, противна, загадочна; я даже не пытался никогда жениться, я стремился выйти замуж! Но меня развратили всякие пошлые личности. Больше я так никого и не полюбил. Но мне нужно было жить. Жить половой жизнью, как всякому другому человеку, и я пошёл по рукам. Я стал проституткой, Виталий Николаевич. О, это ужасно, до чего я мог докатиться!.. Однажды, уже в вашем городе, меня взял на квартиру один семейный армянин. Он быстро завладел моим телом и тайком от своей жены стал жить со мной. В награду за всё он устроил меня официантом в этот ресторан. У него здесь работает зять заведующим. Он тоже бывает со мной. У меня есть квартира. Там мы встречаемся... Сегодня, увидев вас, Виталий Николаевич, я не мог удержаться!.. Нет, это невозможно - как вы похожи на Сашу! Моего школьного друга... Виталий Николаевич, я прошу вас... я вас просто умоляю... Я заплачу вам, в конце концов... У вас в пиджаке мой адрес. Завтра... Подарите мне только один вечер! Ради бога, Виталий Николаевич. Вы не пожалеете об этом. Ради бога!..

- Хорошо, хорошо, товарищ! - поспешно остановил его мольбы Виталик. - Я приду, не волнуйся.

- Обязательно приходите, Виталий Николаевич, - горячо затряс его руку Эдик. - Справка у вас на сегодня и завтра. Прошу вас... Я очень буду вам благодарен. Приходите, пожалуйста!

- Приду, приду! - проговорил, вставая из-за стола, Виталик. Попрошавшись со своим новым знакомым, он поспешно вышел из ресторана. На улице его снова догнал Эдик и, ничего не

говоря, сунул что-то в карман его клетчатого пиджака. Это оказались деньги. Десятка, пять рублей и пять трёхрублёвок. Виталик в недоумении пожал плечами и пошёл своей дорогой. Ему страшно вдруг захотелось пива. В горле так пересохло, что казалось – он сейчас же прямо тут, на тротуаре, умрёт, если не выпьет хотя бы глоток живительной влаги.

Сев в троллейбус, Виталик проехал несколько остановок. Затем он ещё прошёл два квартала вверх по улице, где, как он знал, была большая пивная. Однако пива там не оказалось.

Сплюнув с досады, Виталик повернул назад и решительно направился к троллейбусной остановке, чтобы ехать домой, вернее на квартиру. Пить пиво ему уже расхотелось. Логика его действий нарушилась. Мысли витали далеко, вращаясь вокруг предстоявшей встречи с Эдиком...

6. Происшествие в гастрономе

Попав благополучно в свой район, Виталик не сразу пошёл к себе на квартиру, а заглянул сначала в магазин, чтобы купить сигарет и, конечно, бутылку. Пока он покупал всё это в винном отделе, разменивая один из Эдиковых трояков, в другом конце гастронома что-то «выбросили». Сразу же образовалась очередь. Виталик тоже на всякий случай занял очередь. Вскоре выяснилось, что давали козинаки. Козинаки Виталик уважал и решил взять побольше. Примерно – на рубль. В кулаке у него была зажата не разменная пятёрка. Очередь продвигалась быстро. Через пятнадцать минут Виталик уже заказывал молоденьким продавщицам-практиканткам свою порцию козинаков. Платить в кассу нужно было рубль тридцать. Виталик с пятёркой направился к окошечку. Там сидела симпатичная молодая женщина с косой, закрученной на голове в тугий узел. Виталику она понравилась с первого взгляда. Сунув в окошечко кассы свою пятёрку, он назвал требуемую цифру: рубль тридцать. Виталик сам не знал, почему дал именно пятёрку, хотя у него были ещё трояки. Он всегда почему-то старался избавиться от крупных денег.

– Дайте, пожалуйста, тридцать копеек, – попросила кассирша.

Виталик, порывшись, для вида в кармане, отрицательно качнул головой. Тогда симпатичная кассирша высыпала перед ним

в тарелочку несколько серебряных монет, затем положила металлический рубль и прикрыла всё это чеком.

«Рубль семьдесят, – сосчитал про себя Виталик. – Плюс рубль тридцать за козинаки, получается три рубля. Всё правильно».

Считая так в уме, Виталик взял свои козинаки (большую бутылку «Иверии» ещё раньше засунул во внутренний карман пиджака) и вышел из магазина. И только тут он вдруг с досадой хлопнул себя по голове и всё вспомнил.

«Сдачи дали рубль семьдесят, за козинаки уплачено рубль тридцать. Итого три рубля. Всё правильно? Но почему же три рубля? И при чём здесь эти три рубля, если подавал я в кассу пятёрку!»

Виталик опрометью метнулся назад к кассе.

– Девушка! А, девушка! Извините меня, я только что у вас был. Вот сдачи рубль семьдесят, вот козинаки – стоят они рубль тридцать, итого три рубля, а платил я вам пятёрку! – одним духом выпалил Виталик в побледневшее сразу личико симпатичной кассирши. – Вы ошиблись девушка. Вы мне с тройка сдачи дали, а платил я пятёрку, честное пионерское!

Кассирша, вдруг что-то поняв, злорадно прищурилась.

– Не мешайте мне работать, гражданин, отойдите от кассы. Сдачи я даю правильно!

По-видимому, симпатичная кассирша (это была жена Генки Портянкина – Марина) почувствовала исходящий от Виталика аромат спиртных испарений и решила, что разговаривать с подобными субъектами следует коротко и решительно. Вот так: «Если вы сейчас же не оставите меня в покое, гражданин, я буду вынуждена вызвать милицию».

Виталик понял, что его принимают за алкоголика и решил действовать по-другому.

– Девушка, ай-ай-ай, как нехорошо вы говорите! Такая красивая девушка и такая неласковая. Смотрите, замуж никто не возьмёт!

– Очень нужно, чтобы меня брали, – возмутилась, пожав узкими плечиками, симпатичная кассирша. – Какие-то глупости вы, гражданин, говорите. Не отвлекайте меня от работы!

Виталик, между тем, начинал терять терпение.

– Девушка, я, в конце концов, не обязан стоять здесь и вымалывать свои собственные деньги! Я вам давал пять рублей и желаю получить сдачу!

Выслушав его, кассирша тоже повысила голос:

- А я вам говорю, гражданин, что сдачи я всегда выдаю правильно. И если вы в этом сомневаетесь – приходите в магазин после закрытия, я сниму кассу и докажу вам это!

- А почему вы не хотите снять кассу сейчас, а не после закрытия?
- продолжал настаивать на своём Виталик. – Ведь не могу же я ждать здесь целых пять часов, пока закроется магазин. Снимите кассу сейчас и пересчитайте все деньги.

- Вы предлагаете глупость, гражданин, – доказывала своё Генкина жена Марина. – Как я сейчас могу вам снять кассу? Это делается после закрытия... И, в конце концов, не мешайте мне работать!

- Так я за свои кровные деньги должен ещё и страдать? – почти кричал на весь магазин Виталик. – Вы поймите, девушка, как я могу ждать до закрытия магазина – ведь у меня же поезд в семь часов! И вообще, какое вы имеете право мне не верить?! Я жаловаться буду! Давал пять рублей... Вы что же, девушка, трояк от пятёрки не отличаете? Дальтонизмом страдаете?..

- Оставьте меня в покое, гражданин! Я всегда сдачу выдаю правильно... Вечером снимем кассу... – кассирша чуть не плакала.

- Но я не могу ждать до вечера, я в шесть часов улетаю. В Киев!..

- Вы только что говорили, что уезжаете на поезде.

- Неважно, девушка. Вы будете снимать кассу?

- Нет! Ждите закрытия магазина!

В знак того, что разговор окончен, симпатичная кассирша Марина решительно вытряхнула из тарелочки Виталиковы рубль с мелочью, которые он выложил в самом начале спора, и принялась отпускать громко роптавших покупателей.

Раздосадованный, Виталик подхватил злополучные деньги и вновь сунул их в тарелочку.

- Девушка, если вы мне не верите, возьмите себе и эти копейки, они мне совершенно не нужны.

Симпатичная кассирша опешила.

- Но зачем, гражданин? Что я буду делать с вашими деньгами?

- То же самое, что и с теми двумя рублями, которые вы мне недодали. Пользуйтесь, пока щедрый... И не стыдно, девушка?

- мстительно прошипел в окошечко доведённый до отчаяния Виталик.

Это, видимо, подействовало: симпатичная кассирша, покраснев, потребовала вдруг у него рубль и, выложив на тарелочку потрепанный трояк, отвернулась.

- Забирайте свои деньги, гражданин, Всего вам хорошего!

- Ага, я уйду, а вы будете до самого вечера думать про меня всякие гадости? - с сомнением в голосе произнёс Виталик.

- Пусть это останется на вашей совести, - огрызнулась хорошенькая кассирша Марина.

- Совесть моя чиста, как родник! - патетически воскликнул Виталик. - Так я вечером загляну или снимете всё-таки сейчас вашу кассу?

- Гражданин, вы деньги получили?.. Вы же улетаете, - нетерпеливо произнесла кассирша.

- Но я ведь могу и передумать, - ответил, улыбаясь, Виталик. - Так я зайду, девушка. Ровно в восемь.

- Как хотите.

При последних её словах Виталик подумал, что, наверное, понравился симпатичной кассирше. Сам он почти влюбился в неё, что редко случалось с ним в последнее время.

До закрытия магазина было ещё около пяти часов, и Виталик неспеша направился к дому Капитана Флинта. Нужно было отнести козинаки да выпить с дедом Антоном вина, которое он купил в гастрономе. Хмель от водки уже почти прошёл, и Виталик начинал ощущать острую потребность принять очередную дозу алкоголя, чтобы вновь возвратиться к жизни. Это походило на ситуацию с рыбой, выброшенной на берег и время от времени омываемой накатывающейся речной волной, что и не позволяло рыбе погибнуть.

Не дотерпев каких-нибудь двух переулков до дома Капитана Флинта, Виталик спрятался за дерево и, откупорив бутылку, отхлебнул из неё несколько жадных глотков. Ему сразу же полегчало. Солнце опять весело заискрилось на небе, и лица встречаемых прохожих стали вдруг намного добрее и привлекательнее. Виталик повеселел и оставшийся отрезок пути преодолел уже без всяких задержек.

В доме Капитана Флинта, как никогда, царила гробовая тишина. Бабки вообще нигде не было видно. Дед Антон за сараями чинил свою голубятню.

Он был страстным голубятником. Он любил их, наверное, даже больше, чем вино, а уж вино дед Антон любил больше, чем бабку Катю.

Виталик дивился этой его страсти к голубям. Сам он никогда этим не занимался и никак не мог понять голубятников. Что было интересного, например, в том, чтобы погонять длинным шестом пернатых? Ну, право же, ничего! Куда интереснее – покопаться в поломанном мотоцикле. Виталик с детства уважал технику. Ещё учась в школе, он переменял дюжину мопедов и мотоциклов, а едва окончил восьмой класс – поступил на курсы рулевых-мотористов. После курсов Виталик стал плавать на речных судах, где и свёл однажды знакомство с дедом Антоном, который работал тогда судовым коком.

Они частенько, сойдя в каком-нибудь городе на берег, напивались до чёртиков, и дед Антон принимался рассказывать Виталику о своих голубях. Истории эти были очень длинные и неинтересные, и Виталик его не слушал. Иногда, чтобы возбудить к себе интерес, дед Антон начинал выдумывать. Так, однажды, Капитан Флинт рассказал про своего сына, Витю Соловьёва, которого будто бы расстреляли в войну немцы за то, что он посылал дедовых голубей с донесениями в Красную Армию через линию фронта.

После этого, деда – с лёгкой руки Виталика – долго называли на судне незаконным отцом Вити Черевичкина.

Старик был очень потешен. Лёнька Горицкий даже шутил иногда, намекая на его профессию: «Не пойму, как дед Антон мог коком работать? Ведь там же одни кокши – на теплоходах. Бабы... А во время плавания к ним всегда мужики пристают... Наверно, и к Капитану Флинту тоже мужики приставали».

Лёнька слыл в их компании большим юмористом. Даже Виталик побаивался его колких шуточек.

Дед Антон, между тем, продолжал предаваться своему любимому занятию – починке прохудившейся голубятни. Виталик свистнул ему несколько раз, заложив в рот по два пальца, и, когда тот глянул вниз, позвал:

– Капитан Флинт, слезай скорее на палубу, я горячего принёс!

Деда Антона как будто ветром сдуло на землю.

– Вот хорошо, Витус! Значит, заправимся сейчас – и снова на мачту. Вот как ты хорошо исделал.

Капитан Флинт был человеком более-менее начитанным. Во всяком случае он знал многое по морскому делу и в память о

командоре Беринге называл Пивоварова Витусом.

Пить вино они устроились здесь же, за сараями, у подножия недочиненной голубятни. Виталик выложил на поломанный ящик свои козинаки, достал отпитуемую по дороге бутылку вина и, откупорив, протянул деду.

- Давай, Капитан Флинт, пей. Вот, козинаки бери, закусишь...

- Может, за стаканом сгонять? - предложил Капитан Флинт.

- Не нужно, вдруг бабка Катя вернулась? На хвост упадёт, - отговорил деда Виталик.

- Из горлышка как-то несподручно, Витус... Ну да ладно! - решил дед Антон и поднял руку с бутылкой. - Сколько пить-то? Грамм двести?..

- Да, пей, Флинт - четвертую часть. Потом ещё повторим.

Капитан Флинт большим пальцем правой руки аккуратно отметил на поверхности бутылки дозу вина, которую ему надлежало выпить, и потом только жадно приложился к горлышку. Выпил он ровно столько, сколько отмеривал пальцем, так что Виталик даже подивился такой точности.

- Глаз-алмаз, Витус! - похвастался Капитан Флинт.

Виталик выпил вино в два приёма, так же отметив на бутылке пальцем. Первый раз он немного не допил своей доли и поспешно запрокинул бутылку вторично.

Капитан Флинт громко грыз Виталиковы козинаки.

- Рубль тридцать отдал, дед! - рассказывал ему Виталик. - Чуть не накрыла меня продавщица на два кола. Понимаешь, Флинт, с пятёрки как с тройки сдачи давала.

- Неужели? - притворно удивился хитрый старик, больше интересовавшийся оставшимся в бутылке вином, чем Виталиковыми злоключениями. - Так-таки и недодала?

- Да нет, я потом потребовал. Куда она, Флинт, денется, правда?
- продолжал свой рассказ Виталик.

- Правда! - поддакивал ему дед Антон. У ног его сиротливо притулилась недопитая бутылка «Иверии».

- Давай, Флинт, ещё вмажем? - предложил деду, закуривший сигарету, Виталик.

Дед Антон сразу же согласился. На этот раз он особенно тщательно отмеривал пальцем на бутылке свою порцию вина, поскольку пить им оставалось совсем мало. Потом он так же

аккуратно, как и в первый раз, выпил всё, что ему из этой бутылки причиталось, и, отдав оставшееся вино Виталику, принялся за козинаки. Пивоваров только жалобно поглядывал на его занятие, прикидывая в уме: на сколько уже дед Антон их сожрал. Виталику не столько было жалко выпитого дедом Антоном вина, сколько съеденных козинаков. Он даже чуть не поперхнулся «Иверией», стараясь поскорее выпить, чтобы уже встать и, распрощавшись с Капитаном Флинт, забрать своё любимое лакомство.

Деда Антон услужливо похлопал его по спине.

- Ничего, ничего, - отмахнулся раскашлявшийся Виталик.

Допив наконец-то вино, он оставил пустую бутылку. Кивнув на неё, пошутил:

- Тебе, Капитан Флинт, и пенсию получать не нужно - на одной стеклотаре проживёшь! Сдавай только, не ленись.

- Да уж иде там, - хикикнув, махнул рукой дед Антон и хотел было снова отломить себе козинаков, но рука его нащарила пустоту. Козинаков на прежнем месте уже почему-то не было...

7. Марина

Ровно в двадцать ноль-ноль Виталик был у дверей гастронома. Симпатичная кассирша Марина, увидев его, сильно смутилась. Впустив в магазин, тут же принялась извиняться.

- Бывает, бывает, девушка, не огорчайтесь, - снисходительным тоном отвечал Виталик, успев, однако, рассмотреть на её правой руке тонкое обручальное кольцо. - Вы до сколько работаете? Можно я вас провожу? Не возражаете? Вот и хорошо. Так я подожду... Как, кстати, ваше имя? Марина? А меня зовут Виталик. Будем знакомы, Мариночка!

Возбуждённый вином и знакомством с приятной женщиной, Виталик, выйдя из гастронома, принялся нетерпеливо прохаживаться взад-вперёд. Часто поглядывал на часы. Он не ожидал столь лёгкой победы. Он даже сейчас не был ещё точно уверен в том, что у него что-либо с кассиршей получится. Виталик просто рассчитывал проводить её культурно домой, поцеловать на прощание, если позволят, и навсегда позабыть.

Он даже не сильно желал провожать её и рад был бы уже отказаться от своего опрометчивого решения, вспомнив о тех опасностях, которые непременно подстерегают всякого одинокого пешехода на ночных городских улицах. Однако, какая-то неведомая сила удерживала его на месте. Толи это был стыд за учинённый днём в магазине скандал из-за каких-то несчастных двух рублей и желание объясниться, то ли ещё что-то, но Виталик чувствовал в эту минуту, что никак нельзя ему уходить от оскорбленной им, как он сам считал, женщины. Марина вышла к нему, улыбаясь и поправляя на плече сумочку.

- Заждались, Виталий?

- Ничего, я привык, - пролепетал первую попавшуюся фразу Виталик. - То есть я не то хотел сказать... Я привык долгое время находиться на одном месте. Армия...

Виталик чувствовал, что краснеет - чего с ним никогда не бывало.

- Так что вы хотели мне сказать? - спрашивала, между тем, Марина. - Говорите быстрее и прощайте, мне на автобусную остановку.

- Марина! Не уезжай! - взмолился вдруг Виталик.

- Вот ещё чего выдумали, меня муж дома ждёт! - отстранилась от него женщина.

- Му-уж! - неприязненно сморщившись, со злостью протянул Виталик.

- Муж... - повторил он затем тише и как бы в задумчивости, горько вздохнул и отвернулся от симпатичной кассирши. - Снова муж!.. Я опять опоздал на поезд. Я опять оказался лишним. Никому не нужным. Выкинутым за борт.

Марина удивлённо, во все глаза смотрела на чуть не плачущего Виталика.

- Вы извините меня, Марина! Не выдержал... Я сирота! С детства - ни отца, ни матери. Помню детдом... как сахар там раздавали, а мою порцию отнял хулиган Мишка Шуруп. Как я тогда плакал!..

- Потом, сами понимаете, - компании, гулянки... Потом трудколонию. - Виталик, постепенно входя в роль и всё более вдохновляясь, придумывал уже складнее.

- Из трудколонию бежал. Воровал в Астрахани. Потом в Ташкенте гопстопничал. Знаете, может, Ташкент - город хлебный... Кино такое было. Почти про меня... Поймали. Судили. Увезли на север, в Воркуту... Эх, жизнь, жизнь! Как же ты

меня изломала, проклятая!.. Вы не подумайте чего, Марина, – всё отсидел честно, от звонка до звонка. Отработал. Срок свой весь... Вернулся из заключения, а мне, понимаете, не верят. Вор, говорят! Людей обворовывал... Вот и вы давеча... Понимаете, как стало обидно? Извините, – Виталик смахнул невидимую слезу.

Марина, идя с ним по тихой вечерней улице, почти не дышала от волнения.

– Как же вы потом?.. Работали?

– Да, с грехом пополам на табачную фабрику устроился. Работал, как папа Карло, пятно своё чёрное смыть пытался... Дружки старые объявились. Ну и по новой – пьянки-гулянки, то да сё... В общем, опять меня посадили. Перед этим познакомился я на табачной фабрике с девушкой. Полтора года встречались. Верила она мне, а как это опять случилось – не выдержала. Таблеток каких-то наглоталась и – поминай как звали! По дороге в неотложку скончалась. Её вот тоже, как вас, Мариной звали... Мариной!..

– Как же вы так, Виталий? – с искренним состраданием в голосе спросила кассирша и робко, не глядя ему в глаза, взяла под руку.

Виталик мгновенно уловил перемену в поведении женщины и, пользуясь моментом, увлёк её в сторону от автобусной остановки. Поблизости был парк, где в тёмных аллеях уже трудно было кого-либо различить. Туда и повёл свою спутницу Виталик, продолжая свою печальную повесть:

– Да вот так, Мариночка, сам своё счастье и растоптал грязными ногами... Год назад освободился. Досрочно. Решил на рулевого-моториста выучиться. Море люблю, понимаешь. Хочу за границу сплавать, мир посмотреть... Хорошо, что люди кругом душевные, – помогают. А иначе – хоть в петлю от такой житухи!

– Вы её до сих пор забыть, наверное, не можете? – вкрадчиво спросила Марина.

– Да! Ведь что за человек была Све... – поняв, что чуть не проговорился, Виталик резко оборвал свой рассказ на полуслове и лихорадочно стал придумывать выход из создавшегося положения.

– Что же вы замолчали, Виталий? Говорите! – настаивала взволнованная кассирша.

– А светло-то как на улице от фонарей, поглядите! – быстро заговорил смущённый Виталик, увлекая Марину в плохо освещённую часть парка. – Не люблю искусственного света,

больше предпочитаю естественные, так сказать, природные условия. Смотрите, как здесь хорошо, – вот под этими ивами. Не правда ли? Может, посидим? Глядите – трава какая мягкая. Как ковёр... Да-а... А Марина моя была замечательный человек. Я её до сих пор ведь помню... и люблю... наверно. Такое не забывается.

Они пробрались сквозь густые, низко склонённые ветви плакучей ивы и расположились у её ствола на траве.

– Вы всё-таки счастливый, Виталий, ведь вы любили, – мечтательно, с оттенком грусти произнесла Марина. – Я никогда так не любила, как вы...

– Но ты ведь замужем? – вопросительно взглянул на неё Виталик.

– Да, но я не люблю своего мужа... Я его ненавижу!

– А почему?

– Он мерзкий, грязный, развратный тип. Он... надо мной издевается... – Марина потупила глаза. – Давай не будем об этом.

– Не будем, – одними губами, чуть слышно прошептал Виталик, плотнее пододвигаясь к женщине и робко положив ей на плечо руку.

– Виталик, ты не подумай чего-нибудь... Я честная женщина, у меня ребёнок. Я никогда не изменяла своему мужу. – Марина сделала слабую попытку освободиться от его руки, но у неё ничего не вышло.

– Мы просто немножко посидим и пойдём, ладно? Обещай мне, что не будешь ко мне приставать!

– Обещаю, Мариночка! – сладким голосом прошептал Виталик и, прильнул к её лицу. – Я тебя люблю, Марина!

Женщина покорно отозвалась на его поцелуй, чувствуя, как проникают под платье его горячие руки. Она упала навзничь на траву, ничего уже не соображая, не пытаясь бороться и сопротивляться. Безвольно развела ноги. Виталик быстро сдернул с её бедер шелковые трусы, волнительно забелевшие в темноте, взбил к животу платье и, задрожав от сильного возбуждения, прильнул ртом к жестковатым, остро отдающим мочой и потом волосам внизу её живота.

– Что ты делаешь? – испуганно простонала женщина, но тут же вновь забылась под влиянием нахлынувшей на неё волны наслаждения...

Через несколько минут Виталик поднялся, застёгивая ширинку брюк и виновато поглядывая на продолжавшую лежать Марину. Перевернувшись на живот и спрятав лицо в ладонях, женщина плакала, и Виталику было непонятно: от счастья она плачет или от горя. Сам он не испытывал больше ничего, кроме досады от неприятного вкуса во рту и желания поскорее расстаться с рыдающей у его ног женщиной.

8. Хулиганы

- Вы всё-таки меня не провожайте. Зачем всё это? У меня муж есть, ребёнок, - говорила Виталику на автобусной остановке Марина, смущённо пряча глаза. - Пожалуйста, не нужно, Виталик. Будьте счастливы!

- Прощай! - с напускной грустью проговорил Виталик. - Я ещё завтра приду, можно?

- Нет, нет! Не нужно, я завтра не работаю.

- Тогда послезавтра. В восемь вечера... Я приду, Марина!

Подъехал, сердито фыркая двигателем, старый, весь дребезжащий «ЛиАЗ», и Марина быстро проскользнула в полупустой, плохо освещённый салон. Двери за ней захлопнулись, и автобус лениво тронулся, оставив позади сгорбленную одинокую фигуру Виталика.

«Однако бывают же люди, - думала, прокомпостировав талон, Марина. - Преступники поневоле. Страдальцы. Неудачники... Вот, значит, какие они, эти парни со скамьи подсудимых... И вовсе они не страшные. Добрые, наоборот, и... ласковые! - Женщина вспомнила всё, что недавно произошло под ивой, и залилась густой краской. - А всё-таки жалко его. Беспомощный какой-то. Там, у окошечка кассы... чуть не расплакался тогда, бедняга. И я хороша - чуть не наказала парня на два рубля! Хотя, что ему должно быть эти два рубля... он больше, поди, видел, когда воровал... А я, дура, уши развесила, чёрт знает с кем связалась! - В голове у женщины мелькнула мысль о венерических болезнях, и она испугалась. - Боже мой, ведь он больной, наверно! Там, в тюрьме, поди, все больные! Нужно обязательно сходить к врачу - провериться... Связалась на свою голову, что-то ещё из этого получится?.. Но - стоп, как же так? Он ведь сам мне всё рассказал. Про свою жизнь, про девушку... Нет, так нельзя, Нельзя отворачиваться от человека,

подозревать его... Кому же тогда верить? Мужу?.. Муж скорее заразит какой-нибудь гадостью. Таскается по всяким шалавам. Всех квартиранток у своей тётушки-алкашки перетрахал... Ему, значит, можно, а мне – нет? Как бы не так, пускай теперь дуру поищет... Нужно брать от жизни всё!.. Да и человек, если хороший – как не пожалеть?.. В общем, трахнулись – и все дела! И нечего теперь об этом...»

Внимание её привлекли двое пьяных, ввалившихся в автобус на очередной остановке. Один из них, молодой широкоплечий парень в джинсах и замусоленной у шеи египетской майке, сел возле Марины и, достав сигарету, принялся прямо в салоне закуривать. Другой стал приставать к двум девчонкам, почти подросткам, выкрикивая всякие нецензурные выражения. В салоне, кроме этих двух девчонок и Марины, было ещё несколько пассажиров. Впереди, возле кабины водителя, сидели две женщины, но они даже не глядели в сторону хулиганов. У передней двери, напротив Марины, стоял не старый ещё мужчина, приготовившийся выходить. Позади тоже были мужчины, украдкой из-под газет посматривавшие на пьяных парней. Отдельно от них, на задней площадке, стоял хорошо одетый молодой человек, презрительно наблюдавший за пьяными.

Между тем один из хулиганов – тот, что устроился курить около Марины, обнаглел уже настолько, что принялся стряхивать пепел прямо ей на колени, пьяно гримасничая и хихикая. Симпатичная кассирша брезгливо поморщилась, смахнула с коленей пепел и, подхватив сумочку, пересела вперёд.

– Какой хам! – произнесла она, не оглядываясь на хулигана.

Парень самодовольно заржал и тоже пересел вслед за ней, швырнув окурок прямо в стоявшего у двери мужчину. Тот внимательно поглядел сначала вниз, на свою испачканную сигаретой штанину, потом повернулся к парню, кинувшему окурок, и вежливо попросил:

– Молодой человек! Нельзя ли поаккуратней? Вы ведь мне эдак новый костюм прожечь можете!

– Не базарь, старый! – презрительно перебил его пьяный. – Если не прекратишь базарить – в форточку вылетишь. Понял?

– Да, я вас прекрасно понял, – охотно кивнул головой мужчина.

– Ну и засохни! – посоветовал хулиган и, метко плюнув на его чёрный лакированный туфель, принялся надоедать симпатичной кассирше Марине:

- Сойдём с нами, девушка? Побазарим... Мы чуваки кайфовые! Не какие-нибудь... К тому же монета имеется. - Парень вытащил из кармана джинсов металлический рубль и подкинул его на ладони перед самым лицом Марины.

- Нашёл, чем хвастаться, - презрительно фыркнула, отворачиваясь от него, Марина.

- На тачке покатаем, девушка. В кабаке поведём, - не отставал пьяный. - А хочешь цветов? Я клумбу кайфовую вычислил, там такие розы! Не желаете? А то - в ресторан... у нас бабок, девушка, хоть задницей хавай!

Парень попытался обнять Марину.

- Оставь меня в покое, пожалуйста, у меня муж в милиции работает! - отпрянула от него женщина.

Другой хулиган, приставший к девчонкам, излил уже перед ними весь скудный запас своего пьяного красноречия и тоже решил, что настал момент пускать в дело руки. Но только он попытался это сделать, как сразу же получил от одной из девчонок звонкую пощёчину. Читавшие неподалеку газеты граждане крикнули. Девчонка, ударившая хулигана, заплакала, а тот с бранью занёс над ней руку.

- Ах ты дешёвка! Так ты драться?! Так ты - меня?..

В ту же минуту сильный удар в лицо отбросил девчонку далеко по проходу. Она не удержалась на ногах и упала. Из носа у неё потекла кровь. Её подруга в ужасе отбежала в сторону, к задней двери. Хулиган, матерясь на весь автобус, хотел ещё раз ударить свою жертву и даже сделал шаг в её сторону, но тут к нему подбежал парень, безучастно скучавший на пустой задней площадке. Он схватил пьяного за руку, с силой дернул на себя и крикнул:

- Ты что делаешь, негодяй? Ты кого бьёшь? Прекрати сейчас же безобразничать, не то!.. - Парень, видимо, не находил слов, чтобы выразить своё возмущение. Он рассчитывал, что читающие газеты мужчины тоже последуют на выручку, но те только глубже втянули головы в плечи. Хулиган, оставив плакавшую девчонку, грозно надвигался на парня.

- Ты что подписываешься, козёл? - говорил он, зло прищурился свои маленькие колючие глазки. - Да знаешь ли ты, козявка, что сейчас с тобой будет? Сейчас ты пожалеешь, что три года назад не подох! Сейчас...

Хулиган, не размахиваясь, резко и точно ударил враз оробевшего парня в переносицу. Второй хулиган, бросив приставать

к Марине, поспешил на помощь своему другу. Долго не раздумывая, он тоже ударил парня кулаком по лицу.

Марина громко вскрикнула и отвернулась к окну, чтобы не смотреть на драку. Зашумели на переднем сиденье женщины.

- В самом деле - куда смотрит водитель? А мужчины, мужчины-то?

- Что - мужчины? - сердито набросился на них гражданин у дверей. - Что - мужчины?.. Вы вот попробуйте с эдакими лбами справиться! Полицию следует вызвать.

Драка на задней площадке не прекращалась. Это была уже не драка, а избиение. Парень не сопротивлялся, он только закрывал лицо от крепких кулаков хулиганов.

Водитель остановил, наконец, автобус и, зайдя в салон, принялся расспрашивать пассажиров:

- Что тут происходит, женщины? За что они его так?

- Да вы бы лучше помогли ему, чем попусту спрашивать! - нетерпеливо перебил его мужчина у дверей. - Это ваша прямая обязанность как водителя. Не видите - хулиганы пассажиров избивают!

Сказав, он проворно вышел из автобуса.

- Вот именно! Водитель ещё называется! Пассажиров будут убивать, а ему и дела мало, - загалдели на переднем сиденье женщины.

Пристыженный водитель - тоже молодой парень - решительно направился к дерущимся. Хулиганы уже свалили свою ослабевшую жертву на пол и пинали ногами.

- Ребята, вы чего? Бросьте вы это, слышите?! - попробовал остановить их водитель. - Да хватит же вам, ребята! Ну что вы, в самом деле?

Он обхватил было одного из хулиганов поперёк туловища и попытался оттащить в сторону, но пьяный, изловчившись, так съездил водителя по зубам, что тот, взмахнув руками, отлетел назад, и, как плюхнулся на ближайшее сиденье, спрятав лицо в ладонях, так больше и не поднимался.

9. День рождения

Виталик Пивоваров угрюмо брёл по неосвещённой улице к дому Капитана Флинта. Больше в этом городе идти ему было некуда. Никто, кроме Капитана Флинта и бабки Кати, не ждал его в этот поздний час. Да и они ждали исключительно из-за бутылки, которую он, по давно заведённой традиции, должен был принести.

Бутылку Виталик не нёс и потому ему уже авансом было жаль напрасно изнывающих в ожидании дармовой выпивки Капитана Флинта и бабушку Катю. Впрочем, бутылку могла ещё привезти из ресторана Светка или – в конце-концов – Лёньчик. Но последнее было маловероятно, – уходя утром на занятия в техникум, Лёнька имел в своём распоряжении всего лишь двадцать копеек, оставшихся от пропитой с Капитаном Флинтом стипендии.

Размышляя так, Виталик поравнялся с переулком, на углу которого возвышался громадный двухэтажный домина. Дом этот походил на небольшую школу-восьмилетку. Огорожен он был высоким кирпичным забором, по верху которого тянулась колючая проволока, подключенная по слухам к высоковольтной линии. В ворота и во двор этого необычного дома свободно заезжали два грузовых «КАМАЗа» с прицепами. Самым удивительным было то, что хоромы эти, как справедливо выражалась баба Катя, принадлежали не государству, не кооперативу и даже не какому-нибудь номенклатурному работнику, а обыкновенному цыгану, которого звали Миша.

Цыгана Мишу знал весь посёлок. Он никогда нигде в своей жизни не работал, имел красивую цыганку-жену и имел, по всей вероятности, много денег. Иначе как бы ему удалось отгрохать двухэтажный особняк с гаражом, где стояли новенькие «Жигули», и плавательным бассейном.

О том, что в доме имелся ещё и плавательный бассейн, рассказала Виталику побывавшая как-то в гостях у цыгана Миши Светлана...

Виталик очень ей после завидовал. Он и сам не прочь был бы осмотреть это «восьмое чудо света» изнутри.

Миновав высокий кирпичный забор, который напоминал крепостную стену без бойниц, Виталик остановился перед металлической калиткой и попытался было заглянуть во двор, но калитка вдруг резко распахнулась, и на пороге выросла грозная фигура цыгана Миши.

От неожиданности Виталик поспешно отступил назад и, споткнувшись обо что-то, упал, высоко задрав ноги. Цыган Миша засмеялся и, схватив его крепко за шиворот, легко, как

пушинку, затащил во двор.

«Убьёт!» – с ужасом решил Виталик.

– Ты что, вор, да?.. Воровать хочешь? Отвечай, когда у тебя спрашивают старшие, – принялся допрашивать Виталика цыган Миша.

– Я вовсе не вор, отпустите меня, – жалобно залепетал Пивоваров.

– Отпустить? – в раздумье покрутил свои пышные чёрные усы Миша.

– Да! Отпустите, пожалуйста.

– Ты не воровал у меня ничего?

– Нет, не воровал.

– А что же ты делал, негодный мальчишка?

– Я звонок искал, чтобы позвонить к вам в дом, – соврал Виталик.

– А зачем тебе нужно было позвонить в мой дом? – заинтересовался сразу же цыган Миша.

– Меня бабки Катина квартирантка Светка прислала, – врал, не задумываясь, Виталик. – Она просила, чтобы я вас, Михаил батькович, позвал к ней в гости. У неё сегодня... день рождения!

– День рождения? – удивлённо переспросил Миша.

– Да, день рождения, – закивал головой уже пришедший в себя Пивоваров.

– Так что мне Светлане передать? Придёте?

– Конечно, приду! – схватил его за руку цыган Миша.

Оставшееся до бабкиного переулка расстояние Виталик преодолел как на крыльях. Он бежал, не чувствуя под собой ног, сбил по пути какую-то маленькую девочку. Потом врзался с разбега в своего приятеля Лёньку, и на его вопрос о причине такой поспешности только и смог выпалить:

– Свет-тка-а... Светка при-ишла-а?

– Да, а что случилось, Виталик? – недоумевал Лёнька, но Виталик, не отвечая, махнул рукой и помчался дальше, к бабкиному дому.

«С ума, наверно, сошёл!» – решил про себя Лёнька и зашагал в противоположную сторону. Он опаздывал на свидание и хотел поскорее найти такси, хоть и располагал всего лишь одним-единственным трояком, занятым перед этим у Светки.

Лёнька был на деньги не жаден. Они у него долго никогда не задерживались. Товарищу он мог отдать последнюю копейку, и вообще Лёньке было не свойственно чувство меркантильности. Частенько он замечал по этому поводу, что человек рождается голым и голым же умирает, – так к чему эта страсть к накопительству? Но предоставим Лёньчику заниматься вылавливанием такси на полутёмном шоссе и перенесёмся вслед за Виталиком в дом Капитана Флинта.

В доме Капитана Флинта, в кухне, за тем же столом, всё так же заставленном грязными тарелками и кастрюлями, сидела всё та же компания. Здесь были бабка Катя с дедом Антоном, Светлана и бабкин племянник Генка. Пили на этот раз самогонку, которую где-то раздобыл Генка Портянкин. Самогонка была налита в грязный трёхлитровый баллон, стоявший внизу, под ногами у пьющих. Время от времени дед Антон доставал его из-под стола и, нацедив в подставленные стаканчики мутной, с плавающими соринками, жидкости, снова аккуратно его прятал.

Бабка Катя рассказывала, по-видимому, что-то интересное про Виталика и сразу же замолкла, едва он вошёл в кухню. По разгорячённым смеющимся физиономиям присутствующих Виталик тотчас же понял, что рассказывала она об утреннем происшествии во флигеле.

«Ладно, пусть! – подумал он. – Ещё неизвестно, чем вы сами тайком занимаетесь. Капитан Флинт точно, наверно, голубой! А Светка – лесбиянка!»

Портянкин, завидев злого решительного Виталика, чёртом ворвавшегося в кухню, не на шутку струхнул и на всякий случай положил рядом с собой деревянную скалку для катания теста, которой бабка Катя перед этим била Капитана Флинта.

Виталик только окинул своего врага презрительным взглядом и, ничего ему не сказав, схватил за руку Светку.

– Быстрее, Светка!.. Я тебе жениха нашёл! Быстрее беги переодеваться. Жених – во! – показал Виталик выставленный вверх большой палец правой руки. – Я сказал, что у тебя день рождения. Быстрее, Светка, он сейчас заявится.

– А кто он-то? – недовольно спросила Светлана. – Что за жених такой выискался?

– Цыган Миша! – выпалил ей в лицо Виталик.

– Тю, да у него же своя жинка есть! – вмешалась в разговор бабка Катя.

- Ничего, бабка, вторая жена будет. Ты не суйся не в своё дело, - прицыкнул на неё Пивоваров.

- То есть - как это вторая? - подступила вдруг к нему Светлана.
- Что это ещё за вторая? А ну-ка выкладывай, что вы там с цыганом Мишей задумали? Какой ещё день рождения?

- Светка, цыц! Молчи, если не понимаешь... Потом всё объясню, - делал ей предостерегающие знаки Виталик. - Мне сам он, Миша, говорил, что жениться на тебе хочет, а цыганку свою в табор отправит - у них это запросто. Ты только, Светка, молчи, я сказал ему, что у тебя день рождения!

- Ловок парень, - хмыкнул в углу Портянкин.

- А ты заткнись, козёл! - накинулся на него Виталик. - Молчи, не то я за себя не ручаюсь. Капитан Флинт, убери отсюда эту сухопутную швабру!

- Генка, не разозляй нас! - хлопнул по столу кулаком Капитан Флинт, грозно посмотрев на Портянкина. - Вечно ты воду коломутишь. К каждой дырке - затычка!

- А чево, дед? Я ничево, что вы ко мне пристебались? - обиженно протянул Портянкин. Он всегда почему-то робел перед Виталиком. Генка уже не рад был, что пришёл в эту компанию и пожаловался сидевшей рядом с ним бабке Кате:

- Уезжаю я завтра, тётка. В командировку. На трое суток... Завгар, подлюка, удружил.

- Уезжай, Генка, - кивала головой пьяная старушонка. - Уезжай с глаз моих долой. Пинчуга несчастная ты, Генка. Алкаш.

- Ну вот, - снова обиделся Генка, - пьёт мою самогонку и меня же ещё выгоняет. Ну и тётушка!

- Отстань! - отмахнулась от него старушонка. Всё её внимание было занято прихорашивающейся у зеркала Светкой. Возле неё суетился Виталик.

Дед Антон принялся было убирать со стола грязную посуду, но тут же разбил глубокую тарелку с голубой каймой и, выругавшись, бросил это занятие. Генка Портянкин поспешил собрать черепки, говоря при этом, что посуда бьётся на счастье. Посерьёзневшая сразу бабка Катя, глядя на него, высчитывала в уме сумму нанесённого ей убытка.

В это время и зашёл в кухню улыбающийся цыган Миша. Он принёс с собой торт и три большие девятисотграммовые бутылки водки, которые стоили каждая около десяти рублей.

Компания обомлела. А когда цыган Миша вытащил из-за пазухи и развернул на руках голубую мохеровую кофту, предназначавшуюся Светлане в подарок, все вдруг дружно захлопали в ладоши и, обступив цыгана Мишу, усадили его на самое почётное место – у окна. Виталик отнёс кофту в зал и бережно уложил на старомодный диван, пригласив Мишу взглянуть в его сторону. На диван он перед этим накидал вытащенные из бабкиного шифоньера отрезки материи, какие-то столетние духи и дедовы пузырьки с одеколоном, которые бабка-Катя вечно прятала от него под замок в виду того, что Капитан Флинт имел привычку употреблять одеколон вовнутрь. А чтобы всё это окончательно создавало впечатление подарков, Виталик положил сверху несколько старых открыток, а один из отрезков материи перевязал красной лентой.

Цыган Миша ему поверил, и компания дружно принялась уничтожать принесённый цыганом торт и пить водку. Дед Антон, никогда не пробовавший подобного лакомства, с детства помнивший только коврижки и макуху, которая заменяла теперешние козинаки, так увлёкся тортом, что даже нечаянно вымазал нос кремом. Глядя на него, цыган Миша добродушно посмеивался.

Виталик после нескольких стопок водки быстро захмелел и в разговоре путал имена присутствующих. Он называл Генку Портянкина Лёньчиком, на бабу Катю говорил Капитан Флинт, а цыгана Мишу почему-то величал Яном. Светлана вспомнила, что есть такая песня и, откашлявшись, затянула куплет из неё. Все дружно принялись ей подпевать, особенно припев, который имел примерно такие слова:

Ах, мама, мама, мама!

Люблю цыгана Яна.

Ах, верю, верю, дети,

Что есть любовь на свете...

При этом все дурашливо смеялись и указывали пальцами на цыгана Мишу. Он сидел в центре застолья, огромный и усатый, как генерал, и величественно пил подносимую ему водку.

Виталик не помнил, как попал во флигель. Очнулся он почему-то на полу, недалеко от своей кровати, на которой заметно было какое-то шевеление. Свет луны скудно проникал во флигель, отбрасывая ломаные тени на стены и потолок.

Виталик хотел было уже подняться с холодного пола, но на кровати в это время особенно сильно завозились, и Пивоваров

услышал приглушённые голоса Светки и цыгана Миши. Цыган Миша, по-видимому, к чему-то склонял Светлану, а та, отвечая ему, колебалась. Наконец голоса смолкли, и до Виталика донеслись какие-то другие звуки. Виталик привык к темноте и рассмотрел на кровати нечёткий силуэт обнажённой женской фигуры. Светка полулежала поверх одеяла, поджав под себя ноги. Цыган Миша сидел на подушке и гладил Светку по склонённой голове. Странные звуки не прекращались, и Виталик, присмотревшись, всё понял...

Испугавшись, что его могут уличить, Виталик быстро закрыл глаза и попытался снова заснуть, но звуки, доносившиеся с кровати, мешали ему...

10. Лёньчик

Лёнька в эту ночь домой спать не явился. С ним приключилось вот что.

Расставшись с Виталиком, Лёньчик остановил вскоре пустое такси, уселся рядом с водителем и, назвав нужный ему адрес, пообещал:

- Гони, брат, на всю железку. Озолочу!

Водитель поверил. Такси помчалось по притихшим вечерним улицам с такой скоростью, что редкие прохожие, не спеша переходившие дорогу, шарахались в разные стороны. Похожий на кавказского горца таксист только посмеивался. Лёньчик то и дело поглядывал на часы. Он опаздывал уже на двадцать минут и с тоской понимал, что свидание сегодня вполне может не состояться. Девушка его была, как говорится, с характером. Да и какая уважающая себя девушка унижится до ожидания опаздывающего на свидание парня?

- Нельзя ли побыстрее, родной! - то и дело поторапливал таксиста Лёньчик, на что тот неизменно отвечал:

- Как быстрее? Ты с ума сошёл, слушай!.. Уже восемьдесят километров в час. Кто милиции будет три рубля дават, я тебя спрашиваю? Таксист будет дават. Таксист многа дэнги имеет. Таксист калымит. Таксист такой-сякой. А таксист, я тебя спрашиваю, нэ человек, что ли?

- Человек, человек, - успокаивал его Лёньчик. - Только давай, друг, жми побыстрее, - я заплачу!

Внимание их привлёк автобус, стоявший в глухом месте с потушенными «габаритами», но с горящим светом в салоне. В автобусе и около него что-то происходило.

- Гляди - драка! - крикнул таксисту Лёньчик. Он не мог спокойно смотреть на драку. Его так и подмывало всегда броситься в самую её гущу.

- Совсем люди, как собаки, стал! - недовольно проворчал водитель. - Каждый дэн - драки, драки, драки...

Машина миновала автобус, и тут глазам их предстало новое зрелище. Широкоплечий, здоровый парень в джинсах и летней майке гнался, размахивая руками, за девушкой. Она бежала, спотыкаясь и чуть не падая, и громко звала на помощь. Парень её настиг, ударил кулаком по голове и, не удержавшись на ногах, вслед за девушкой полетел на землю.

- А ну-ка останови быстрее! - позабыв обо всём, приказал водителю Лёньчик и чуть ли не на ходу выпрыгнул из затормозившей машины. Хулиган уже вскочил на ноги и принялся избивать лежавшую на земле девушку. Марина (это была она) только жалобно кричала, закрывая лицо от ударов ног. Подбежавший Лёньчик с ходу врезал хулигана в скулу и затем, не давая опомниться, заехал по другой скуле - с левой. Хулиган беспомощно взмахнул руками и упал навзничь. Пока Лёньчик поднимал с земли рыдающую Марину, подбежал с монтировкой в руке кавказец-водитель. Поглядев сначала на поднявшуюся на ноги заплаканную женщину, потом на потирающего правую руку Лёньчика, таксист повернулся к отползшему уже на порядочное расстояние хулигану и крикнул:

- Эй, друг, падайды-ка сюда, нэ заставляй меня за тобой бегат! Ты зачем женщину бьёшь?

- Не твоё дело, чурка! - огрызнулся, отплёвываясь кровью, хулиган. Поднявшись на ноги, он проворно отбежал в сторону.

- А ну-ка пакараулте машину, я его сейчас!.. - попросил водитель Лёньчика и симпатичную кассиршу Марину и тут же пропал в темноте, погнавшись за улепётывающим от него хулиганом.

Вскоре издалека донёлся его приглушённый крик, адресованный дружку, оставшемуся возле автобуса:

- Пеца, васар - нас вяжут!

- И Пеце этому нужно было надавать, - отдуваясь, сердито проговорил Лёньчик.

Марина, не отвечая, поправила на голове причёску.

- Сильно он вас... подонок?

- Ничего, не беспокойтесь... Спасибо вам, молодой человек!

- Не за что, - скромно отмахнулся Лёньчик. - Любой бы на моём месте точно так поступил.

- Не скажите, - вскинула на него глаза Марина. - Иной бы прошёл мимо и не оглянулся. Таких мужчин, как вы, сейчас поискать!

Лёньчику польстило её замечание.

- Подумаешь, пустяки, - смущённо пробормотал он.

- Ну да, - пустяки, - не согласилась с ним Марина. - Вон они в автобусе парня чуть не зарезали! Я вступилась, так они - и меня... Вы ведь видели. Ой, я так перепугалась, когда он за мной погнался! Я ведь ужасно боюсь крови.

- Ничего, ничего всё прошло. Не переживайте, - говорил Лёньчик, крепко прижимая к себе женщину. Он и сам не заметил, как машинально обнял Марину.

- Успокойтесь, девушка, всё уже позади. Всё будет хорошо, вот увидите.

- Правда? - доверчиво заглядывала ему в глаза Марина, принимая как должное его ласки и не пытаясь освободиться от объятий.

Когда прибежал гонявшийся за хулиганом таксист, Марина с Лёньчиком сидели, тесно прижавшись друг к другу, на заднем сиденье машины и о чём-то оживлённо болтали. Водитель подивился подобной оперативности Лёньчика и, усевшись за руль, поинтересовался:

- Куда вас, молодые люди?

- Прямо, - весело проговорил Лёньчик, махнув для убедительности правой рукой.левой он обнимал и прижимал к себе Марину.

Женщина поспешила назвать адрес. Ей было совестно обниматься с Лёньчиком при водителе, но и противиться она уже не могла. Марина чувствовала себя кроликом, приближающимся к пасти удава. Она только старалась по мере возможности прикрывать обручальное кольцо на правой руке, на которое, впрочем, никто не обращал внимания.

Таксист быстро довёз их по указанному Мариной адресу.

- Спасибо, брат, - поблагодарил водителя Лёньчик и протянул три рубля. Водитель только неопределённо пожал плечами.

- Мала платишь, паслюшай... Ездыли, ездыли! Такой дэвушка тебе нашли... Обижаешь, понимаешь. Таксист тоже человек, кушат хочет! Давай пят рублей, да?

Лёньчик уныло взглянул на Марину.

- У вас, Марина, есть деньги?

- Конечно, конечно! Не беспокойтесь, Леонид, - быстро затараторила кассирша и сунула таксисту ещё два рубля. Тот, послав ей воздушный поцелуй, уехал.

- Ну вот я и дома, - смущённо взглянула на своего кавалера симпатичная кассирша Марина. - Спасибо вам, Лёня, за всё!

- Не стоит, - недовольно буркнул Горицкий, не отрывая от неё своих призывно горящих глаз.

- Я пошла, до свидания! - подала ему руку женщина.

- Пойдите, - удержал её Лёнька. - Давайте на лавочке посидим. Вот на этой. - Парень указал на лавочку, расположенную на краю детской площадки.

Сразу за детской площадкой возвышалась белая панельная пятиэтажка. Дальше тянулся целый ряд точно таких же домов. Несмотря на поздний час, навстречу то и дело попадались прохожие, с некоторыми Марина смущённо здоровалась.

Услышав предложение Лёньчика, она только замахала руками.

- Что вы, что вы, какая там лавочка, - это же мой дом! Я замужем, понимаете, Леонид! Соседи увидят - сплетен потом не оберёшься. Я пойду, прощайте!

Вырвавшись из Лёнькиных объятий, женщина забежала в подъезд и, махнув ему на прощание рукой, скрылась. Лёньчик грубо про себя выругался. Ему вдруг сильно захотелось выпить. Так сильно, что будь у него сейчас даже одеколон - не отказался бы и от него. Но одеколону у Лёньчика не было. Не имелось у него и денег, и даже в извлечённой из кармана пачке «Ростова» оказалась всего одна сигарета. Лёньчику определённо в этот день не везло. На свидание со своей девушкой он не попал. Новая знакомая Марина убежала домой, оставив его одного на улице. У неё дома есть муж...

Лёньчик тяжело вздохнул, сел на лавочку и закурил последнюю сигарету.

А что есть у него - у Лёньчика? Пьяный Капитан Флинт с бабкой Катей да Виталик в вонючем флигеле. Да ещё Светка с

бабкиным племянником Генкой Портянкиным... Портянкиным...
Постой, постой!

Лёньчика вдруг озарило. Он вспомнил сцену недавнего знакомства с Мариной в салоне такси, когда водитель гонялся за хулиганом. Марина тогда назвала свою фамилию. Точно – она тоже Портянкина! Как же он раньше не сообразил, что Марина – жена Генки Портянкина!

Лёньчик вскочил с лавочки и решительно зашагал к подъезду, в котором только что скрылась женщина. «Марина – жена Генки Портянкина, – думал он, входя в подъезд и отыскивая в указателе номер её квартиры. – Генка пьёт сейчас самогонку у бабки Кати и наверняка, как всегда, останется там ночевать. Какая удача!» Поднимаясь по ступенькам на четвертый этаж, Лёньчик довольно потирал руки.

Дверь открыла девочка лет десяти – одиннадцати.

– Вам кого, дяденька?

– Позови, пожалуйста, маму, я пришёл с папиной работы, – соврал Горицкий, окидывая оценивающим взглядом стройную, уже начавшую формироваться, фигурку девочки.

– А вы заходите, дяденька, в комнату. Подождите. Мама в ванной купается, – предложила девочка, так же с интересом оглядывая Лёньчика.

Горицкий охотно зашёл в квартиру. Девочка провела его в зал и усадила в кресло.

– А папа скоро придёт с работы? – спросила она Лёньчика.

– Ты понимаешь... Как тебя зовут?

– Анюта.

– Ты понимаешь, Анюта, папа твой сегодня не придёт домой. Он срочно поехал в командировку, – продолжал выдумывать Лёньчик. Попутно он оглядывал квартиру Генки Портянкина.

Квартира представляла собой жалкое зрелище. Мебель была вся старая, обшарпанная и годилась только на свалку или на растопку печки. Стены и потолок давно не беленные, а пол, с которого облезла вся краска, сильно скрипел под ногами, так что по нему страшно было ходить. Казалось, что он вот-вот провалится под ногами идущего. В квартире, однако, было чисто и сравнительно уютно, и Лёньчик стал себя чувствовать здесь как дома. Он включил телевизор и, взяв с полки какую-то книгу, принялся рассеянно листать. Это была «Молодая гвардия» Фадеева. Лёньчик никогда её не читал. В школе,

когда проходили по программе, он прочёл всего одно место, которое смаковала тогда вся мужская половина класса – сцену медосмотра на немецкой бирже труда.

Лёньчик нашёл это место и не без удовольствия перечитал:

«Schneller! Schneller!»¹ – отрывисто сказал офицер с голыми, обросшими волосами коленями. И вдруг, протянув к Вале руки, он чисто промытыми узловатыми пальцами, тоже поросшими рыжими волосами, раздвинул Вале зубы, заглянул в рот и начал расстёгивать ей платье.

Валя заплакала от страха и унижения, быстро начала раздеваться, путаясь в белье.

Офицер помогал ей. Она осталась в одних туфлях. Немец, бегло оглядев её, брезгливо ощупал её плечи, бёдра, колени, и обернувшись к солдату, сказал отрывисто и так, точно он говорил о солдате:

– Tauqlich!»²

Под влиянием прочитанного лёгкое возбуждение переросло у Лёньчика в устойчивое желание. Он взглянул на девочку, на её коротенькое платьице, и ему захотелось посадить её себе на колени.

– А я знаю, кто вы такой, дяденька, – проговорила девочка, смело глядя на Лёньчика. – Вы папин начальник и будете сейчас спрашивать маму, почему папа пьёт водку!

– Верно! – притворно удивился Лёньчик, и желание посадить девочку на колени обострилось. Не будь в квартире её матери, он бы, наверное, так и сделал.

– А ещё я знаю, – вы живёте у бабушки Кати, – продолжала девочка. – Я вас там видела однажды. И вы тоже там водку пили вместе с бабушкой Катей, вот!

Неизвестно, что бы ему ещё наговорила девочка, если бы в эту минуту в зал не вошла, растирая полотенцем волосы, Марина. Она была совершенно обнажена. Увидев сидевшего с книжкой Лёньчика, женщина испуганно вскрикнула, прикрылась полотенцем и снова убежала в ванну. Лёнька поспешил вслед за ней и стал что-то путано объяснять через дверь так, чтобы не смогла ничего понять крутившаяся позади Анюта.

Марина попросила халат. Дочь побежала выполнять просьбу.

– Зачем вы пришли? – строго спросила из ванны женщина.

- Понимаете, Марина, за мной гнались хулиганы. Те самые... из автобуса. Мне некуда было деваться, - врал напропалую Лёньчик.

- Но сейчас придёт мой муж. Будет грандиозный скандал, он у меня ужасно ревнивый. Вы должны немедленно уйти, Леонид! - протестующе говорила Марина.

- Муж не придёт, Мариночка, - шептал, припав щекой к двери, Лёньчик. - Я знаю, поверьте мне. Он сейчас пьёт с бабкой Катей. Я там живу у неё, на квартире. Когда я уходил, он был уже в доску пьяный...

- А если придёт?!

¹ «Быстрее! Быстрее!» (нем.)

² «Годен» (нем.)

- Если и придёт, то не скоро. На такси у него денег нет. А я у вас побуду недолго...

- Но зачем это всё, Лёня? - простонала из-за двери женщина, из чего Лёньчик понял, что победил.

Анюта принесла матери цветастый махровый халат. Парень посторонился, впуская её в ванну.

Потом они все трое пили на кухне индийский чай и ели клубничное варенье со сдобными булочками. Потом смотрели телевизор. Потом Марина увела девочку в спальню.

Лёньчик в это время курил найденный на кухне «Беломор» Генки Портянкина. Он уже точно, со всеми подробностями, знал, что здесь через несколько минут должно будет произойти. Он испытывал чувство зрителя, оказавшегося на просмотре виденного не раз кинофильма. Разница заключалась лишь в том, что героини в этом бесконечном кинофильме были всегда разные. Сценарий же неизменно повторялся.

Марина, уложив девочку спать, на цыпочках прокралась в кухню.

- Я сказала, что ты сейчас уйдёшь. Нужно дверью хлопнуть. Пойдём в коридор, - прошептала чуть слышно женщина...

Часть 2

11. Завод

Прошёл месяц. Погода в городе установилась летняя. Солнце безжалостно пекло, выжимая пот из прохожих. Мужчины сняли свои пиджаки и куртки. Женщины облачились в воздушные сарафаны, чисто условно прикрывавшие наготу. Наступил сезон отпусков и каникул.

В ночлежке у бабки Кати вместо отбывшего на лето домой Виталика появилась новая квартирантка Маргарита. Поселилась она в одной комнате со Светланой. Светлана продолжала работать в ресторане и, бросив Генку Портянкина, вовсю крутила с цыганом Мишей. Об их связи знала вся улица и по вечерам на лавочках с удовольствием перемывала им косточки. За какой-нибудь месяц их знакомства цыган Миша подарил Светке столько дорогих нарядов, включая золото, бриллианты и так далее, что она не без основания стала опасаться выходить во всём этом вечерами на улицу.

Бабка Катя, пользуясь каждым посещением цыгана Миши, напивалась за его счёт «до потери пульса» и в таком состоянии горько рыдала, вспоминая деда Антона. Старик у ударила в голову какая-то блажь и он две недели назад ни с того ни с сего нанялся вдруг коком на речной пароход, отплывший вскоре вверх по Дону. Первое письмо от Капитана Флинта пришло из Саратова, и пьяная бабка Катя читала его всей ночлежке. Старик писал, что плавается ему хорошо, что в Волгограде он, напившись, отстал от парохода и потом долго догонял его на моторной лодке. Сообщал дед Антон также, что «ребяты» в команде подобрались приятные. Все сплошь выпивают и есть даже несколько «наркомантов», и что одного из них старпом уже списал на берег. Капитан Флинт жаловался, что однажды «ребяты» едва не выбросили его за борт за то, что он в компот вместо сахара, спяну, сыпанул соли. В конце своего короткого послания дед Антон передавал всем низкий поклон и слезно просил Лёньчика Горицкого присмотреть за голубями.

Лёнька Горицкий тут же дал согласие ухаживать за дедовыми голубями и даже велел бабке Кате написать об этом в ответном письме деду. Но по прошествии некоторого времени Лёньчик совершенно забыл о своём обещании, запил, загулял и дедовы голуби передохли.

Несмотря на отсутствие Виталика и Капитана Флинта, пил Лёньчик ещё больше, чем прежде, но для этого требовались немалые средства и он временно поступил на работу. Устроился Лёньчик на крупный завод, выпускавший зерноуборочные комбайны.

Построили завод ещё до войны, в годы первых пятилеток. Затем он всё время расширялся, перестраивался, а в последнее время был даже объявлен «ударной комсомольской стройкой». Но комсомольцы страны остались холодны к горячим патриотическим призывам партии и правительства за исключением небольшого числа фанатиков и явных психов со справками, и тогда в город со всех концов Союза потекли «столыпинские» вагоны... К приходу на завод Лёньчика, все цеха здесь были забиты условно освобождёнными и условно осуждёнными.

Особой квалификации на заводе не требовалось. Всех вновь поступающих прикрепляли к какому-нибудь опытному рабочему, который в три дня обучал новичка всем операциям.

Лёньчик попал в сварочный цех, на участок точечной сварки. Поначалу его оглушил невообразимый шум и грохот станков. Цех, куда определили Лёньчика, уже сам по себе напоминал небольшой завод. Впоследствии Лёньчик узнал, что в этом здании, помимо их сварочного цеха, располагалось ещё несколько других цехов, объединённых под общим названием КПК, что означало кузнечно-прессовый комплекс.

Здание комплекса делилось на две равные части широким коридором, по которому то и дело проезжали маленькие электрокары и, как вихрь, проносились большие, с прицепами, трактора. Они подвозили на участки всевозможные заготовки и забирали уже готовые, окрашенные красной краской детали. Рабочие стояли у своих станков, занятые выполнением сменных заданий. Со стороны всё это и впрямь сильно напоминало то, что пишут в газетах и показывают по телевидению.

Казалось: вот этот, например, седой сварщик в прожжённом во многих местах брезентовом грязном фартуке, сейчас отложит в сторону свой электрод и маску и, широко улыбаясь, скажет, как всегда говорится телезрителям: «Работа наша трудная, но интересная! Бригада, которую я возглавляю вот уже пятнадцать лет, недавно победила в социалистическом соревновании за право называться бригадой коммунистического труда. Нами принято обязательство: работать без отстающих и выполнить пятилетку за два года и четыре с половиной месяца!»

На самом деле сварщик этот, отложив маску и электрод, для начала длинно и витиевато выругался, поминая чью-то маму,

бабушку, бога, чёрта, душу, печёнку, селезёнку, советское правительство и многое другое. Потом поманил пальцем молодого паренька – своего стажёра – прочёл ему небольшую популярную в пролетарской среде лекцию, насчёт того, что работа не волк – в лес не убежит, и вместе они направились в раздевалку, где у сварщика в шкафу была припрятана водка.

Электрокары и трактора с прицепами подвозили на участки детали не столь регулярно. Иной раз останавливался конвейер. Мастер тогда хватался за голову и бежал к начальнику участка. Начальник участка хватался за телефонную трубку и бранил кого-то там на другом конце провода. Рабочие бездельничали и от скуки садились «забивать козла». Примерно за полчаса до конца смены детали наконец-то появлялись, и начинался аврал. За оставшиеся полчаса нужно было выполнить сменное задание и ещё оставить задел на завтра. Мастера неистовствовали, торопясь выслужиться перед начальником цеха. Рабочие, торопясь в душевую, гнали откровенный брак. По образному выражению старых заводских кадровиков, комбайны в такие моменты собирались при помощи всего двух инструментов: кувалды и русского мата.

Устроившись на завод, Лёньчик в первый же день во всём разочаровался, плюнул и в дальнейшем стал попросту «сачковать», отбывая время до увольнения. Чтобы хорошо заработать, здесь нужно было «пахать» в две, а то и в три смены почти без выходных. Работяг на заводе вечно не хватало, зато мастеров и всяких конторских работников имелось в избытке. «Конторские крысы», как называли их рабочие, целыми днями ничего не делали, но создавали видимость работы: носили из кабинета в кабинет увесистые папки с бумагами, а где-то с одиннадцати часов ставили многочисленные электрочайники и гоняли чай до конца смены. Мастера в ночной смене соблазняли холостых девчат и молодых замужних женщин лёгкого поведения, расплачиваясь предоставлением отгулов, а начальники цехов – за то же самое – вне очереди давали гостинки. Рабочие от всей души ненавидели свой завод и метко окрестили его «Освенцим».

Лёньчик близко сошёлся с условниками, которых было много в их цехе и на всём заводе. Их ещё почему-то называли «химиками». Почему – Лёньчик не знал. В большинстве это были люди, впервые попавшие на скамью подсудимых и вместо заключения приговорённые к условному осуждению с обязательной отработкой срока на заводе. Работали здесь и условно освобождённые зеки. Они отличались специфическим для бывших лагерников жаргоном и поведением. С одним из этих условников, Вовкой Князевым, и сдружился Лёньчик.

Помимо «химиков», комсомольцев-добровольцев и просто обыкновенных смертных, была на заводе ещё одна категория рабочих – выходцы с Кавказа и Средней Азии. Эти, в большинстве, приезжали за «длинным рублём», особенно среднеазиаты.

В советской Средней Азии уже в то время всю процветала безработица. Работа имела только на хлопковых плантациях, где за жалкие гроши гнули спину от зари до зари одни женщины. Во время уборочной, когда не хватало рабочих рук, местная республиканская милиция выезжала на большую дорогу, останавливала красные междугородные «Икарусы» и всех пассажиров силой отправляла на хлопок.

Всё это поведал Лёньчику один узбек из Навои, приехавший на завод зарабатывать калым для выкупа невесты. До этого Горицкий и не знал, что существуют ещё где-либо подобные средневековые обычаи.

Много интересного рассказал Лёньчику и его новый приятель – «химик» Вовка Князев. Он рассказывал, в основном, о тюрьмах, лагерях и вообще об уголовном мире – то, о чём Лёньчик знал только по книгам и кинофильмам. Горицкий и раньше подозревал – многое из того, что пишут и показывают о тюрьмах и лагерях, мягко говоря, не соответствует истине. Точно так же, как расходилось всё то, что он слышал об армии перед службой, с тем, что он потом увидел собственными глазами. Но Вовка Князев или, попросту, Князь, как звали его условники, нарисовал перед Лёньчиком такую зловещую картину тюремного дна, что куда до него было знаменитому «дну» Горького.

– Хиляешь по коридору впереди вертухая и представляешь из себя Олега Кошевого в застенках гестапо, – говорил Князь во время обеденного перерыва в курилке, окружённый условниками. – Кругом замки, железные решётки, сапоги подкованные по цементному полу стучат... В хату кинут – спи, где хочешь. Можешь – на полу, под шконками, можешь с петухами возле параша. В хате – рыл сто пятьдесят, а рассчитана от силы человек на сорок. Одна шконка на троих. Спят по очереди, в три смены. Только в хату завалишь, сразу спрашивают: за что сидишь?.. Да попкари и сами сдают, если сто семнадцатая или сто двадцатая: разврат и изнасилование малолетних. Таких козлов сразу опускают всей хатой и – на парашу. Возле неё они спят, хавают и посуду в параше моют.

– А что, с биксами на тюрьме напряжёнка? – наивно поинтересовался Лёньчик.

– Почему, есть на кичмане бабы – в женском коридоре, – криво ухмыльнулся Князь, глядя на Лёньчика. – Иной раз увидишь

зечек в базке на прогулке, ну и свистишь: «Простячка, покажи жопу!» Какая-нибудь шмара задерёт платье до пупка, трусы стянет и давай сракой вертеть. Вертухаи хохочут, подначивают по-своему... Комедия, короче. Зечкам тоже на зоне без мужиков не мёд. Особенно у кого сроки длинные. Так они сами себя... Каши в чулок натолкает и – давай!.. А есть – баба с бабой живёт. Пальцами друг друга... и по-всякому... Ковырялки там у них есть, коблы...

Помню, в последнюю ходку была на Богатыновке попкарша, её Царь-жопа все звали. Не поверишь – в четыре обхвата! Еле в двери пролазила. Один чёрт ущипнул её как-то за жопу. «Почём матерьяльчик?» – свистит. Царь-жопа его связкой ключей – по горбьяке! Еле на больничке откачали, чуть дубаря не врезал. А однажды на малолетке примочка была, подохнете! Сынки через кормушку баландёршу в хату затащили. До пояса пролезла, а дальше – ни в какую. Пока вертухаи приканали, малолетки её – во все дыхательно-пихательные!..

Слушатели дружно захохотали. Дождавшись конца всеобщего веселья, Вовка Князев продолжил:

– На малолетке вообще прикольщики чалятся! Одни как-то все щели под дверью заткнули, напустили полхаты воды и давай купаться. Другие новичков с третьей шконки в кружку с водой нырять заставляли. Не нырнёшь – опустят, нырнёшь – внизу возле самого пола впоймают...

Запомни, кореш, чтобы на киче жить, нужно знать её законы. Есть, правда, там беспределы. Ботало подвешено хорошо, харя кирпичом, рост – под два метра и кулак, как твоя башка. Такие начинают ломать, пайки отбирают, дачки... Видит, что ты в тюремной жизни не рубишь и свистит тебе с большим понтом, что сегодня, мол, на кичмане базар. Заставляет собирать в сидор весь камерный локш: кружки, ложки и хилять, куда посылают. Вызовут кого-нибудь на допрос, а ты с сидором следом за ним из хаты метёшься. Попкарь: «Куда, пидор?» Ты ему фуфло про базар толкаешь. Ну и получи дубиной по почкам или киянкой по печени! Вот и весь базар.

Есть ещё другая примочка. Ставят перед тобой четыре кружки и свистят: «Кореш пригласил тебя на свадьбу. В одной кружке пиво, в другой – вино, в третьей – водка, в четвёртой – коньяк. Что будешь бухать?» Ты говоришь, например: «Водяру». Заставляют пить. «Что бухал?» – спрашивают. «Водяру». Снова наливают и дают бухать. И так до тех пор, пока не скажешь, что бухал воду...

Рассказывал Князь и о преступном мире. Сам он последнюю

«ходку» отбывал за угон машины. По его словам, милиция раскрывает только часть всех преступлений. Попадают, как правило, или неопытные новички, недооценивающие опасность, или же умелые, «высококвалифицированные» воры, пренебрегающие ею.

Князь по его собственным словам, столько дел наворочал, что если бы «менты» все раскрыли – пришлось бы «чалиться» до второго пришествия. Но и без того Князь из своих неполных сорока – двенадцать лет отпахал на «хозяина». Сидел хорошо, всегда держал «отрицаловку», а последний раз даже близко сошелся с настоящими ворами, хоть их и мало осталось в преступном мире.

– Сейчас ни черта не поймёшь, – жаловался Князь. – По лагерям сидит всякая шушера. Четверть зоны петухов, остальные – козлы да бакланьё с мужиками.

Как-то в день получки Князь предложил Лёньчику прогуляться после смены вместе с его компанией.

– Ты мужик вроде ничего. Ничтяк. Я тебя признаю. Пойдём прошвырнёмся. Пивка выпьем, водочки... Или западло?

– Пойдём, конечно, о чем разговор, Володька! – обрадовался приглашению Лёньчик. Ему польстило, что этот прожжённый рецидивист зовёт его в свою компанию. Втайне Лёньчик понимал, что не отказался бы, наверное, даже от воровского дела. Сам бы ни за что не напросился, а от предложения отказаться б не смог. Такая уж у него натура.

12. Условники

Компания состояла из восьми человек включая Лёньчика. Условники все были ребята рослые и плечистые, так что Лёнька чувствовал себя среди них карликом. Особенно выделялся ростом и телосложением Паша, фамилию которого Лёньчик забыл, но помнил, что звали его все в шутку Паша Маленький. Паша был земляк Вовки Князева и являлся его старинным товарищем. Родом они были откуда-то из-под Урюпинска.

Остальные условники были не столь примечательны, и Горицкий их почти не запомнил. Только один из них, Филиппов, отличался от всех своей большой армянской фуражкой и золотой фиксой во рту.

Выйдя за проходную, вся компания дружно заспорила: куда следует направиться в первую очередь. Часть условников во главе с Володькой Князевым предлагала сейчас же сесть на троллейбус и ехать на посёлок, к «общагам», как они выражались. Паша Маленький и другие тянули всех в ближайший гастроном для приобретения спиртного. После непродолжительных прений победила партия Паши Маленького, и условники, закулив дружно сигареты, отправились на розыски спиртного.

По дороге они всё время подшучивали над долговязым Филипповым, называя его коротко – Филя, а его большую армянскую фуражку «аэродромом». Лёньчику, наоборот, очень нравилась фуражка Филиппова, и он сильно ему завидовал.

Гастроном нашли довольно быстро, но в очень людном месте, и Князь дал знак двигаться дальше. Кто-то, не поняв его, принялся спорить, но в разговор вмешался Паша Маленький, он сразу же урезонил недовольных, указав на противоположную сторону площади.

– Там милиция, черти! Слепли? Зачем лишний раз рисоваться?!

Другой гастроном искали долго. Купив, наконец, водку, долго думали, где бы её лучше выпить. Кто-то вспомнил, что знает очень хорошую пивную рядом с рощей, на посёлке Берберовка, где все всегда выпивают, и компания направилась туда, задирая по дороге прохожих.

Лёнька в этих местах никогда не был и с интересом разглядывал незнакомые улицы и кривые узенькие переулки. Пивная находилась очень далеко от завода. Условники устали идти и сердито бранились. Когда наконец-то пришли в пивную, было уже часов шесть вечера. Место действительно оказалось тихим и безлюдным. Стояла пивная на самом краю посёлка, около рощи, раскинувшейся внизу на дне глубокой балки, по которой протекал грязный ручей. Через ручей был перекинут металлический мостик с перилами. По нему, с большой серой собакой на поводке, шла девочка в синем спортивном трико.

– А здесь ничего, пацаны! – подал голос Паша Маленький.

Остальные дружно его поддержали.

Володька Князев, не теряя времени, начал распоряжаться подготовкой к «бухаловке». Одних он послал за пивом, других – за шашлыками. Лёньчику было поручено принести стаканы, что он и исполнил с завидным рвением.

Кроме них, в пивной почти никого не было. Только несколько

парней и девушка стояли за ближайшим столиком во дворе. Остальные, кто заглядывал в пивную, торопливо выпивали одну – две кружки и тут же уходили.

Взяв пиво и шашлыки, условники разложили и расставили всё прямо на траве под деревом, неподалеку от заведения, и принялись располагаться здесь же, «на природе». Из карманов каждый извлёк по бутылке, а кто и по две – водки. В общей сложности их набралось десять. Разливать водку принялся Паша Маленький. Стаканов всем не хватило и пили по очереди. Пока одни выпивали, другие прихлёбывали пиво и разговаривали.

Больше всех Лёньчика заинтересовал рассказ долговязого Фили, который раньше работал шофёром и получил срок за аварию. Постепенно к нему стали прислушиваться и остальные условники. Филиппов рассказывал, видимо, одну из многочисленных, происшедших с ним на трассе историй.

– Выехали мы под вечер. Перед этим на трассе только-только дождик прошёл. Покапал и сразу кончился. На шоссе, как говорится, «масло» или ещё называют – «сало». Шоферня так говорит. Это когда, значит, дождь только верхний слой пыли подмочил, прибил пыль-то, а нижний слой совсем сухой, потому и «сало». Чуть-чуть резко тормознул и – в кювет!.. Опасна такая дорога. Я – на пониженных передачах, всё, как полагается, а частники-лихачи проносятся... Прожужжит – только его и видели! Ну, едем мы дальше, с инженером этим, темнеть начало. А дорога до того узкая, что никак, понимаешь, со встречным транспортом не разъехаться, если кто-нибудь на обочину не свернёт. Вдруг, смотрим, внизу – авария. Два частника «поцеловались». «Жигули» и «Москвич»... Лоб в лоб стукнулись и стоят посередине дороги. Оба, конечно, всмятку. Стёкла кругом валяются, кровь... Жуткая, короче, картина. В «Москвиче» – один водитель, молодой парень... На руль склонился и не шевелится. Мы его с инженером вытащили, смотрим – только висок поцарапан, но не двигается. В «Жигулях» за рулём баба была. Пожилая уже, но накрашенная, причёска, брюки американские, – всё как у молодых. Стали мы дверь открывать – ни в какую, заклинило! Рядом с этой бабой другая, помоложе, наверное, – её дочка. Грудь у этой второй – в ключья. Кровь, мясо, не поймёшь, что там ещё...

У первой тоже всё лицо в крови, и ни одна не двигается – хоть бы пошевелился кто. На заднем сиденье мужчина лежал и двое мальчишек лет по восьми. Также как будто в обмороке. И нигде на них ни крови, ни ссадины – ничего. Ну, выломали мы монтировками двери, вытащили мужика с пацанами – глядь, а они все мёртвые! Не дышат, значит... И бабы, что впереди

сидели, тоже – царство им небесное!.. Окоchureились. И водитель «Москвича» – тоже насмерть. Шесть трупов, понимаешь, сразу – во как! Доездили, значит, падлы!..

– Бывает! – подал голос один из условников.

В это время Паша Маленький протянул рассказчику водку. Наливал он сразу по полному стакану и при этом торопил пьющих, чтобы не задерживали посуду. Те, кто уже выпил свою дозу, с удовольствием ели шашлыки.

Володька Князев, наклонясь, спросил у Лёньки Горицкого:

– Ну, как тебе с нами, Лёньчик? Ничтяк?

– Ничтяк, Князь! – с довольной улыбкой отвечал ему Лёньчик.

Подошла очередь и ему пить водку. Лёнька редко пил по полному стакану и вначале немного струхнул, но отступить было некуда. Водка была тёплая и противная, так что он чуть было не вырвал под конец, но сдержался и, отдав пустой стакан Паше Маленькому, жадно хватанул пива. Паша Маленький принялся наливать по второму разу. На него сейчас же зашумело несколько человек:

– Подожди, Паша, не гони лошадей! Что торопишься, как голый в баню? Эта ещё не переварилась, а ты уж снова!..

– Правда, Паша, остынь, – посоветовал ему и Володька.

Паша Маленький недовольно поморщился.

– Ну вот, с вами только выпивать, со слабаками!.. А ну-ка, дай я ещё попробую!

Он живо налил себе снова целый стакан водки и почти одним глотком выпил его, широко раскрыв свою пасть.

Лёньчик, глядя на него, смеялся. Он уже был пьяный. Захмелели и остальные условники. Водку пили уже по желанию, наливая каждый себе, сколько кому было нужно. Все вдруг сделались совсем другие, чем были на самом деле. Молчаливые начинали много болтать, трусы представляли из себя героев, задираясь по всякому пустяку, задиристые, наоборот, пытались со всеми перецеловаться, уверяя каждого в своей дружбе.

Лёньке было смешно всё это видеть. Сам он в пьяном состоянии становился комиком. Но никогда не потешался над кем-либо в отдельности, как это иногда делает кое-кто в дворовых компаниях, Лёньчик высмеивал всегда всю компанию целиком, включая и самого себя.

Так, сейчас, в тот самый момент, когда Паша Маленький жадно накинулся было на очередную порцию шашлыка, Лёньчик предположил, что шашлык этот изготовлен, вероятно, из хромой собаки, которая только что крутилась у дверей шашлычной. Он даже поклялся, что видел будто бы её облезлую шкуру, которую относил в балку кто-то из работников шашлычной. Паша Маленький, очевидно, поверил Лёньчику и, бросив есть мясо, начал громко отплёвываться.

Потом Лёньчик предположил, что в пиво, которое они пили, наверное, добавлена кем-то человеческая моча, иначе отчего бы ему быть такому жёлтому и невкусному. После этого его высказывания все опять дружно смеялись, а несколько человек поверили Лёньчику и выплеснули своё пиво под дерево.

Ещё Лёньчик предположил, что Филя, должно быть, проглотил свою золотую фикса; что пивными кружками, видимо, кто-то что-то закусывал, раз они почти все сплошь с отбитыми краями и ручками... Когда Паша Маленький пошёл за пивную «по маленькому», Лёньчик сейчас же предположил, что пивную, наверное, смочет с места и она упадёт в балку.

Много ещё разных вещей предполагал захмелевший Лёньчик. Большинство условников охотно смеялось над его шутками, только один усатый злой молдаванин сердился. Лёньчик не обращал на него внимания и даже ничего такого не предполагал на его счёт, но молдаванин всё равно почему-то злился.

Водку вскоре всю выпили и пришлось снова снаряжать несколько гонцов в магазин за следующей партией «горючего», как любил выражаться Лёнькин приятель Виталик. С этими гонцами пошли и Володька Князев с Пашей Маленьким, оставив Лёньчика на растерзание молдаванину.

Молдаванин, как только они скрылись из вида, накинулся ни с того ни с сего на Лёньчика и крепко ударил его кулаком по носу. Нос у Лёньчика сейчас же вспух, из него хлынула кровь, вымазав всю рубашку. Оставшиеся в пивной условники сразу же увели сердитого молдаванина, говоря ему слова упрёка. Но молдаванин не слушал своих товарищей и всё время порывался снова бежать, драться с Лёньчиком. Его еле отговорили и, вернувшись, принялись все вместе пить пиво. Долговязый Филиппов помогал Лёньчику вытирать бумажкой, пахнувшей рыбой, кровь с лица и рубашки. Горицкий совершенно не помнил, за что его побил молдаванин. Он только знал наверняка, что какая-нибудь причина, верно, была, иначе не стал бы к нему приставать этот злой молдаванин. Утёршись, Лёньчик уселся вместе со всеми пить пиво и, в скором времени, совершенно

забыл о драке.

Потом, когда вернулись из гастронома остальные условники, Лёньчик опять принялся смело высказывать свои предположения по всякому поводу. Он говорил, что вино, которое принесли гонцы, похоже на противотанковые гранаты, что сами условники издалека сильно напоминают панфиловцев, вооружённых гранатами, что вино это, в конце концов, могло бы ещё пригодиться для окраски заборов. И что он сам помыл однажды этим вином свою голову, отчего у него целый год потом не росли волосы!

Все снова потешались над Лёньчиком, а Володька Князев спрашивал, отчего у него вся рубашка в крови. Лёньчик предположил, что это не кровь, а вино и для сравнения капнул рядом из своего стакана. Цвет и правда был почти одинаковый...

Потом молдаванин снова бил Лёньчика. Потом Вовка Князев бил молдаванина. Паша Маленький их разборонял. Условники начали куда-то расходиться, и Лёньчик тоже ушёл, опасаясь (и не без основания) крутых кулаков молдаванина. Он был уже совершенно пьян и раскачивался из стороны в сторону. В пивной в это время опять затеялась какая-то потасовка... Лёньчик, не оглядываясь назад, спустился на дно балки и, перейдя по металлическому мостику через ручей, смело углубился в рощу.

Он сам не понимал, куда шёл. Просто Лёньчик увидел в роще двух женщин и почему-то решил, что среди них была его любовница Марина.

Он долго разыскивал их в чаще, спотыкаясь о поваленные деревья и падая, – давал знать о себе хмель. В одном месте Лёньчик сильно рассёк бровь хлестнувшей по лицу веткой. В другом – из-под ног у него в кусты шарахнулся ёжик.

Когда Лёньчик наконец-то увидел этих женщин, одна из которых катила по узкой дорожке синюю коляску с ребёнком, хмель его немного рассеялся. Он сразу же понял, что Марины здесь не было да и вообще не могло быть. Ещё Лёньчик понял, что идёт не туда, куда следовало бы идти, чтобы попасть домой, и решил возвращаться.

Но только он об этом подумал, как вдруг ветки на противоположной стороне дорожки раздвинулись и позади женщин из кустов вышел мужчина.

Мужчина был совершенно голый. Лёньчик даже испугался в начале, увидев его в таком виде. Потом, придя в себя, он начал лихорадочно искать причину, побудившую этого солидных лет гражданина разгуливать по роще в чём его родила мама. Его,

скорее всего, раздели и ограбили хулиганы, которыми во все времена кишели все городские рощи и парки отдыха. Больше предположить Лёньчику было нечего. И верно – не приготовился же этот мужчина купаться в том мелком и вонючем ручье, через который был переброшен металлический мостик с перилами. Но если, в конце концов, допустить такую возможность, что мужчина и правда собирался купаться в грязном ручье и для этой цели разделся, то тут сразу же возникал другой вопрос: для чего нужно было раздеваться догола? Хорошо, предположим, что он снял трусы для того, чтобы не замочить их в грязных водах этой естественной канализации. Но тут сам собой напрашивался третий вопрос; для чего мужчина разделся так далеко от ручья и, мало того, выскочил в таком виде к женщинам?..

Здесь можно было бы делать ещё огромное количество всяческих догадок и предположений, но, увы, ни одна из них не объясняла действительных причин появления в роще голого...

13. Голый

Лёньчик, затаив дыхание, притаился в кустах, стараясь ненароком не спугнуть голого мужчину. Его нескладная, лишённая одежды фигура сильно смешила Горицкого. Лёньчику казалось, что всё это происходит в кино, и голый вот-вот должен будет выкинуть какой-нибудь свой «коронный номер»... То ли он сейчас упадёт, растянувшись во весь рост на дорожке, и зрители будут покатываться от хохота, глядя на это. То ли следом за мужчиной погонится злая собака, а он в страхе заберётся на дерево. То ли женщины, увидев вдруг позади себя голого, побегут от него, быстро семеня ногами и ловко маневрируя среди деревьев детской коляской...

Но ничего этого не случилось. Мужчина осторожно перебежал на другую сторону узкой дорожки и начал пробираться через кусты вслед за женщинами. Когда он отошёл на достаточное расстояние, Лёньчик быстро покинул своё убежище и пустился на розыски вещей этого странного человека. Он вскоре наступил на какую-то скользкую тёмную массу, аккуратно положенную кем-то на самой середине тропинки. Масса эта очень нехорошо пахла, так как была ещё свежая, и Лёньчик сразу же понял, что это дело рук неизвестного гражданина.

Горицкий с отвращением принялся очищать о траву свою ногу, проклиная про себя голого.

Ручей с металлическим мостиком остался далеко позади Лёньчика. Роща угрожающе застыла вокруг него, разбросав вкривь и вкось ветви деревьев. Искать что-либо в зелёных дёбрях было бессмысленно, и Лёньчик решил вернуться назад, чтобы подсмотреть за дальнейшими действиями сумасшедшего.

Да, после того как он наступил на плохо пахнущую массу, оставленную голым мужчиной, Лёньчик вдруг решил, что тот – сумасшедший. Иначе для чего было бы ему, пойдя в рощу для исправления своих естественных человеческих надобностей, раздеваться донага и потом исправлять эти надобности на самой середине тропинки? Следовательно, субъект этот был не совсем нормален, и Лёньчик выломал себе на всякий случай увесистую палку.

Не успел он сделать и трёх шагов, как на глаза ему попался какой-то предмет, лежавший под кустом. Лёньчик подцепил его на палку и живо покрутил в воздухе. Это были мужские трусы довольно большого размера. Лёньчик с отвращением закинул их на дерево и зашагал дальше. Теперь всё становилось ясно как божий день. Голый мужчина наверняка убежал из сумасшедшего дома. Сбежал он, вероятно, во время тихого часа, а может быть и раньше – ещё ночью. Сейчас его, верно, уже разыскивают по всему городу, а он здесь, в роще, преспокойно шастает в костюме Адама, пугая женщин, и неизвестно, что ещё может натворить.

Лёньчику стало вдруг страшно и он крепче сжал в руках свою палку. Ему стало казаться, что голый субъект притаился где-нибудь вверху на дереве и сейчас прыгнет ему на спину, как пантера. Лёньчик даже поглядел с опаской вверх, готовый в любую минуту к схватке. Голого на ветках не было и парень немного успокоился.

Он снова вышел на прежнюю дорожку, по которой недавно гуляли женщины. Их здесь уже не было, и Лёньчик быстро побежал вперёд, рассчитывая встретиться с женщинами в глубине рощи. Повсюду ему чудился притаившийся в кустах голый. Лёньчик даже предположил сейчас, что это был вовсе не реальный человек, а какой-нибудь призрак, заманивавший его в самую чащу. Ведь не зря же издавна живут в народе предания о русалках, привидениях, леших и прочей нечисти. Может быть, что-то подобное встретилось и ему, Лёньчику, в этой глухой окраинной роще, больше напоминающей непроходимый девственный лес. Ведь недаром же привидение это было

совершенно голое и напоминало собой русалок. Только те, по слухам, жили в воде и обладали большими рыбьими хвостами.

Но, может, и Лёнькино привидение жило в воде, вернее – в той грязной и вонючей канаве, которая протянулась по самому дну балки. И рыбий хвост у него тоже, наверное, был. А может, привидение обходилось и без рыбьего хвоста. У него, скорее всего, имелись большие зелёные ласты, как у «человека-амфибии», и он их где-нибудь там, в канаве, снимал, чтобы удобнее было гоняться в роще за женщинами.

Думая так, Лёньчик мчался со всех ног по узкой кривой тропинке в надежде скорее отыскать тех двух женщин в этом страшном заколдованном месте. Ему даже стало казаться, что за ним кто-то гонится, и Лёньчик увеличил обороты, Он пролетел так порядочное расстояние и начал было вписываться в очередной поворот тропинки, как вдруг перед самым своим носом увидел голого гражданина и врезался в него с разгона, не успев свернуть в сторону.

С громким воплем неизвестный мужчина свалился на землю, а стоявшие метрах в двадцати от него женщины сразу же оглянулись. Одна из них – та, что катила перед собой детскую коляску – завизжала на всю рощу и побежала вперёд, больше уже не оглядываясь. Другая женщина, видимо чуть-чуть посмелее первой, осталась на месте, но тоже принялась визжать как резаная.

Столкнувшись с голым мужчиной, Лёньчик вначале упал вслед за ним и даже наступил на него своей грязной ногой. Мужчина, испугавшийся не меньше Лёньчика, вскоре, однако, опомнился и принялся из-под него выбираться. Голый субъект был скользкий и быстро выполз из Лёнькиных объятий, как змея или ящерица. Убегая, он ещё нечаянно задел Горицкого голый пяткой по зубам, что и послужило причиной последовавшей за ним погони.

Разъярённый Лёньчик гонялся за голым, наверное, больше часа, исколесил чуть ли не всю рощу, но поймать так и не смог. Человек этот, видно, и впрямь знался с нечистой силой. Он бежал по роще, как олень, далеко выбрасывая свои длинные, белые ноги и ловко огибая препятствия. Лёньчик же несколько раз врезался в деревья, падал и, в конце концов, набив на лбу хорошую шишку, прекратил бесполезное преследование.

В роще уже смеркалось, и Лёньчик, вывалив язык и отхаркиваясь, побрёл искать ручей и металлический мостик, чтобы выйти из проклятой рощи. Он очень жалел, что хорошенько не огрел голого палкой, но после драки кулаками не машут! Приходилось возвращаться несолоно хлебавши.

Пока он искал мостик, в роще совсем стемнело. Лёньчик шёл наугад и вскоре понял, что совершенно не знает дороги. Тогда он пошёл в противоположную сторону, но выход из рощи опять не отыскался. Голый мужчина, верно, уже подстерегал его где-нибудь в густой чаще, и Лёньчик покрылся холодным потом. Он живо представил себе скользкие холодные руки призрака, прикасающиеся к его горлу... свой изуродованный труп, который утром отыщут в проклятой роще и заруют на новом городском кладбище, – и содрогнулся. Зачем он только пошёл в эту рощу! Но делать было нечего, приходилось во что бы то ни стало искать выход.

Лёньчик долго блуждал между деревьев, так что под конец почти совсем протрезвел и перестал опасаться голого. Теперь он начал думать, что вся эта история ему просто почудилась. Лёньчик вдруг решил, что у него была белая горячка, а при белой горячке, как утверждали очевидцы, можно увидеть и не такую чертовщину.

Так, дед Антон, два раза допивавшийся уже до этой болезни, уверял, что за ним однажды приходили мёртвые морские разбойники, облепленные ракушками и водорослями. Они будто бы звали старика с собой в плавание и потрясали при этом ржавыми кривыми кинжалами. В другой раз деду почудились за окном дома какие-то зловещие голоса, которые договаривались убить его, деда Антона, и он всю ночь потом не сомкнул глаз... Всякую минуту готовый к отражению нападения, он просидел до утра с топором за печкой, а утром послал бабку Катю вызывать милицию. Вместо милиции за Капитаном Флинтон приехала «Скорая помощь» и забрала старика в психиатрическую лечебницу.

Теперь Лёньчик предположил, что с ним тоже приключилась белая горячка. Горицкому даже стало немного интересно: а что же почудится ему ещё, кроме голого гражданина? Но больше Лёньчику ничего не почудилось. Выход из рощи он так и не отыскал и вскоре расположился спать прямо в чаще, под деревом, наломав для подстилки веток.

Всю ночь Лёньчику снился голый мужчина. Он гонялся за ним с топором и почему-то кричал: «Смерть Капитану Флинту!» Потом голый субъект взобрался на дерево и начал оттуда жалобно звать Лёньчика, говоря при этом: «Лёньчик, отдай сокровища! Отдай мне сокровища, Лёньчик!»

Одну руку сумасшедший протягивал к Горицкому, а в другой сжимал страшный топор, намереваясь, видимо, раскрыть Лёньчику череп. Лёньчик хотел ответить, что у него нет

никаких сокровищ, но язык почему-то отказался повиноваться, и тогда голый начал заносить над ним свой топор...

Парень тут же проснулся, задыхаясь и разрывая на шее тугой воротник рубашки. В его глазах застыл немой ужас.

Вокруг всё ещё стояли глухие синие сумерки. Сколько было времени Лёньчик не знал: часы давно остановились. В роще было сыро и холодно и Лёньчик сейчас же вскочил на ноги. Чтобы побыстрее согреться, он побежал вперёд, пробираясь сквозь густую чащу и вскоре нашёл выход из этой заколдованной рощи – она заканчивалась возле железнодорожного полотна, за которым раскинулся не знакомый Лёньке посёлок.

Лёньчик с радостью поспешил туда, довольный, что наконец-то попал в цивилизованный мир. О голом он больше не думал...

14. Утром в ночлежке

Только утром приплёлся Лёньчик в ночлежку бабки Кати. К этому времени лицо его сильно опухло, глаза заплыли, а ноги буквально подкашивались от усталости. Разорванная в нескольких местах рубашка была измазана кровью, волосы на голове сваялись. Из них торчали сухие листья. В довершение ко всему, на лбу красовалась огромная шишка, а из рассечённой веткой брови сочилась кровь. Лёньчик взглянул на себя в зеркало и ужаснулся. Он был похож на бича с городской свалки.

С кем он дрался, Лёньчик уже не помнил. Кажется, с каким-то молдаванином в пивной... Сейчас это не имело никакого значения. Первым делом необходимо было привести себя в порядок и, по возможности, скрыть от обитателей ночлежки следы побоев на лице.

Лёньчик сбросил с плеч разорванную рубашку и, оставшись в одной майке, с грязным полотенцем через плечо направился во двор к рукомойнику. Умывался он долго, старательно отмывая запёкшуюся на лице кровь. Несколько раз задев ссадины, он тихо стонал и скрипел от боли зубами. Видно, хорошо его отделал этот чёртов молдаванин.

Вернувшись во флигель, Лёньчик принялся разыскивать крем для лица или что-нибудь в этом роде, чтобы помазать раны. Ничего не найдя, раздосадованный Лёньчик решил сходить в Светкину комнату. У женщин постоянно бывают целые горы

всякой косметики, и уж какой-нибудь крем он обязательно там отыщет.

Не надевая рубашки, Лёньчик на цыпочках прокрался в бабкин дом, в котором царила гробовая тишина. Пьяная бабка Катя, как всегда, валялась под кроватью в своей спальне. Ночная рубашка её высоко задралась, и Лёньчик с отвращением отвернулся, увидев кривые жилистые бабкины ноги. Он подошёл к кухонному столу, как обычно заставленному грязной посудой и пустыми бутылками, отыскал недопитую стопку водки. Тут же, рядом со стопкой, лежала начатая коробка «Космоса», и Лёньчик обрадовался ей больше всего. Он не курил со вчерашнего дня. Быстро глотнув водку, сейчас же жадно зажёл сигарету. Лёнька был заядлый курильщик. За день он иногда умудрялся выкуривать по две пачки самых низкосортных сигарет «Памир» или «Донские», от которых, по образному выражению курильщиков, «аж в одном месте драло» и весьма этим гордился. Он и полчаса не мог обходиться без курева. Если у него когда-либо не бывало сигарет и попросить было не у кого, Лёньчик выходил на улицу и украдкой подбирал окурки. Никогда не куривший дед Антон потешался, глядя на собирающего окурки Лёньчика.

Горицкий, выкурив половину сигареты, положил «бычок» на край тарелки и прислушался. Бабка Катя мирно посапывала у себя в спальне. На стене тикали большие часы. Лёнька на цыпочках прошёл в зал и заглянул в комнату квартиранток. То, что он увидел, заставило его затаить дыхание и замереть на месте. Сердце у Лёньчика тревожно ёкнуло и учащённо заколотилось, кровь прилила к вискам. Он никак не ожидал увидеть подобную сцену. В комнате, на одной из кроватей (вторая кровать оставалась свободной), рядом со Светланой лежала новая бабкина квартирантка Маргарита. Она спала на спине, укрытая одеялом лишь до колен. В полумгле тускло белело её красивое обнажённое тело. Облачённая в шёлковую короткую комбинацию, Светлана во сне обнимала её правой рукой за шею. Другая её рука покоилась на небольшой, слегка расплывшейся груди Маргариты.

Маргарита была немного старше Светланы и намного симпатичнее: худощавая, стройная, с хорошо выделенной узкой талией и небольшими красивыми бёдрами. Лёньчику она нравилась, и он даже пытался с ней вначале заигрывать. Но Маргарита вина не пила, сигарет не курила и к Лёнькиным ухаживаниям отнеслась равнодушно.

Она приехала поступать в институт, провалилась на экзаменах, но домой возвращаться не захотела, а принялась подыскивать

себе какую-нибудь работу в городе, чтобы на следующий год снова попытаться сдать вступительные экзамены. В Светкиной комнате была свободная кровать, и бабка Катя подселила Маргариту к Светке.

Сейчас кровать Маргариты пустовала, а сама она спала в объятиях Светланы. Лёньчик смутно начал о чём-то догадываться. Он вспомнил рассказы Вовки Князева о лесбиянках и предположил, что среди одиноких женщин это вполне обычное явление. Как, например, мастурбация среди одиноких мужчин. Лёньчик засмотрелся на обнажённую небольшую грудь Маргариты с крошечным острым соском, беспомощно вздёрнутым кверху. Он совершенно забыл, зачем пришёл в комнату квартиранток. Лёньчику вдруг страшно захотелось дотронуться до Маргариты, погладить упругий живот, утопить руку в густых чёрных волосах на лобке. Но парень тут же отогнал эту сумасшедшую мысль. Не хватало ещё, чтобы женщины застали его за этим занятием и чёрт знает что подумали! Не оберёшься тогда разговоров... Достаточно того, что про Виталика говорят всякие гадости. Хотя, может быть, тому и есть основания. Виталик действительно чем-то таким занимается тайком во флигеле... чем обычно занимаются школьники, подглядывая в женскую баню. Виталик постоянно достаёт где-то всякие глупые порнографические снимки и разглядывает их с большим удовольствием.

Окажись Виталик сейчас на месте Лёньчика, он наверняка не удержался бы и наделал всяческих глупостей. Особенно при виде полуголой пышнотелой Светки, которая ему больше всего была симпатична. Лёньчика же Светка оставляла равнодушным. Он смотрел сейчас на неё, как на ненужный предмет, портящий соблазнительную картину обнажённого тела Маргариты.

Лёньчик никак не мог оторвать воспалённых тайными сладостными грёзами глаз от этой женщины, возбуждающей в нём самые дикие, почти животные инстинкты. Ему хотелось валяться у неё в ногах, целовать пятки, бить и истязать её красивое тело...

Вещи Маргариты лежали рядом с кроватью, на стуле, и Лёньчик, привыкнув к полумраку, царившему в спальне, разглядел на спинке стула небрежно брошенные трусики и бюстгальтер. При виде этого соблазнительного белья, ещё хранившего в складках тепло женского тела, Лёньчик затрепетал. В голову ударила горячая струя крови. Дрожащими, непослушными пальцами Лёньчик снял со спинки стула лёгкий невесомый комочек женских трусиков и, не удержавшись, прижал его к пылающему лицу, глубоко вдыхая в себя сладкий интимный запах Маргаритино тела. Голова его закружилась...

Но, переборов себя, Лёньчик повесил назад трусики и вышел из спальни. Сигарета его давно уже прогорела, и в тарелке остался один пепел. Лёньчик закурил новую сигарету и, положив ещё три себе в карман про запас, вернулся во флигель. Сбросив брюки, он быстро забрался в постель и блаженно вытянул ноги. От выпитой перед этим стопки водки в голове прояснилось, и болела она уже не так сильно, как в роще. Ссадины на лице начали подсыхать и неприятно стягивали кожу. В глазах у Лёньчика всё ещё вырисовывалось обнаженное тело спящей в Светкиных объятиях Маргариты.

Зачем всё-таки она легла вместе со Светкой? Неужели это лучше, чем с мужчиной? А может быть, она просто не может найти себе мужчину? Но Светка!.. У Светки мужиков – пруд пруди. Зачем это Светке? Или у женщин это так принято, ложиться друг с другом в постель и обниматься? Лёньчик часто замечал на улице, как девушки при встрече или расставании целуют друг друга в губы и ходят всегда под ручку. И может быть, тут нет ничего предосудительного, что Маргарита спит со Светкой совершенно голая. Ведь спит она не с мужчиной, а с женщиной, со своей подругой. Раздеваются же женщины друг перед другом в бане...

Лёньчик вскоре крепко заснул, уронив на пол недокуренную сигарету. Проснулся он от запаха дыма и, открыв глаза, стремительно слетел с кровати. На полу тлела загоревшаяся от сигареты войлочная подстилка. Лёньчик еле затоптал её и дымящуюся вышвырнул на улицу. Потом он снова внимательно оглядел в зеркале свою разбитую физиономию и, решив на работе пока не показываться, сел на кровать и зевнул. Спать уже расхотелось. Не хотелось и выходить из флигеля.

Одевшись, Лёньчик лениво подошёл к окну и от нечего делать начал рыться в ворохе потрёпанных книг и старых иностранных журналов, беспорядочно наваленных на подоконнике. Лёньчик давно уже перечитал все эти книги, а некоторые знал почти наизусть. Иностранные журналы, где-то раздобытые Виталиком, тоже не вызвали в нём ни малейшего интереса. Какое удовольствие разглядывать снимки с обнажёнными женщинами, когда вокруг столько живых женщин, легко раздевающихся и отдающихся мужчинам? Лёньчик небрежно отбрасывал в сторону эти замусоленные от многочисленных просмотров западные журналы.

Не найдя здесь развлечения, он подошёл к шифоньеру и, поднявшись на носках, достал стоявший наверху транзисторный радиоприёмник «ВЭФ-202». Приёмник был очень старый, весь побитый и поцарапанный. Лёньчик уселся с приёмником у

окна и принялся вертеть ручку настройки, ища какую-нибудь музыку. Вначале ничего хорошего не попадалось. Потом Лёньчик поймал «Песняров», и флигель наполнили протяжные белорусские мелодии. Горицкий поставил транзистор на подоконник и, заслушавшись, начал машинально подпевать солисту:

- Олеся, Олеся, Олеся – так птицы кричат в поднебесье...

Лёньчик любил музыку, любил задушевные песни и, несмотря на полнейшее отсутствие музыкального слуха и голоса, часто по пьянке пел. Особенно ему нравилось петь с Капитаном Флинтом пиратские песни. Лёньчик страшно завидовал популярным певцам и артистам, особенно Владимиру Высоцкому. Его Горицкий боготворил и мечтал когда-нибудь купить хороший магнитофон, чтобы переписать на плёнку все песни Высоцкого. Он даже несколько раз принимался копить деньги для приобретения магнитофона. В первый раз, когда нужная сумма была с горем пополам собрана, в магазинах не оказалось магнитофонов, и Лёньчик со злости купил транзисторный приёмник «ВЭФ-202». Потом, когда в продаже появились магнитофоны, у Лёньчика уже не было денег.

Сидя с приёмником у окна, Лёньчик увидел проходившую мимо Маргариту. Она была одета в очень коротенький ситцевый халатик без рукавов, так что её длинные красивые ноги буквально ослепили Лёньчика своей девственной белизной. Он снова вспомнил виденное недавно в комнате квартиранток. От воспоминания кровь прилила к его лицу. Маргарита скрылась за дверь уборной, а он всё никак не мог успокоиться.

Когда Маргарита шла назад, Лёньчик подждал её у дверей флигеля.

- Рита, можно вас на одну минуту? Пожалуйста!.. – смущённо окликнул её Горицкий.

Женщина окинула Лёньчика удивлённо-заинтересованным взглядом; у неё слегка дрогнули брови при виде его разукрашенной физиономии. В ярко-голубых глазах её мелькнули искорки брезгливой жалости.

- Что вы хотели? – остановившись, спросила она негромко, и поспешно опустила глаза. Затем, спохватившись, добавила:

- Кто это вас так? Боже, какой ужас!

Лицо её при этом чуть-чуть порозовело, и вообще по всему было заметно, что Маргарита стесняется Лёньчика. Вблизи лицо её

было не столь гладко и безупречно, как это казалось издалека. Особенно сейчас – без привычной косметики.

«Да она старая!» – неожиданно мысленно отметил Лёньчик, пытаясь поймать ускользающий от его призывно горящих глаз робкий взгляд Маргариты. И хотя точный возраст женщины определить по лицу почти невозможно, Лёньчик решил, что Маргарите где-то около тридцати.

15. Маргарита

Глядя смело на Маргариту, Лёньчик небрежно отвечал:

– Вы не обращайте на это внимания, Рита! Это так, совершенные пустяки... Это я вчера со шпаной подрался. Они старушку какую-то обидели, а я заступился.

– Вам очень больно? – с нотками сострадания в голосе доверчиво спросила женщина.

– Нет, я же вам говорю, что пустяки! Не стоит внимания, – небрежно отмахивался Лёньчик. – Можно мне у вас одну вещь попросить? – проговорил он затем после некоторого раздумья.

– Какую вещь? – метнула на него испуганный взгляд Маргарита. Лицо её при этом отчего-то залилось краской.

– Да вы не беспокойтесь, Рита, дело пустяковое! Если вас, конечно, не затруднит... – улыбаясь, говорил Лёньчик.

– Что же такое?

– Не могли бы вы, Рита, сходить для меня в магазин? Видите, какой у меня вид. Если бы не это, разве бы я стал вас утруждать!

– Что вы, это мне вовсе ничего не стоит, – наконец-то улыбнулась ему Маргарита. – Скажите, что вам купить в магазине?

Лёньчик протянул ей десять рублей и как бы невзначай скользнул рукой по тугому бедру.

– Вот вам, Рита, деньги, десять рублей, – быстро заговорил Лёньчик, сделав вид, что не замечает смущения женщины от его откровенного прикосновения. – Купите мне, пожалуйста, бутылку водки и что-нибудь покушать. Я вас очень прошу...

– Да, я, конечно, вам куплю... – проговорила, уходя, Маргарита.

Вернулась она скоро, постучав, виновато заглянула во флигель... Лёньчик сразу же её понял и с сожалением посмотрел на часы.

- Ах, да! Я ведь совершенно забыл, что водку отпускают с одиннадцати! Купите тогда коньяк.

Лёньчик подал ещё десятку. Маргарита, помявшись, взяла деньги. Одета она уже была в синие импортные джинсы и в тонкую белую марлёвку с погончиками на плечах, сквозь которую отчётливо проступали её небольшие, освобождённые от лифчика груди. Лёньчик только покрутил головой, провожая её в окне томительным взглядом.

Во флигель неожиданно ввалилась бабка Катя. Она громко охала и причитала, держась за перевязанную тёплым платком поясницу. Увидев разбитое лицо Лёньчика, бабка испугалась.

- Лёшка! Ды хто жа энто тибе так суродывал? Ды на каво жа ты, сердешный, похож-та! Ды, што теперь с нами со всеми будить?

Бабуся всплёскивала длинными костлявыми руками и причитала, как по покойнику. И хотя она так говорила на Лёньчика, у самой бабки Кати лицо находилось ничуть не в лучшем состоянии. Оно было страшное, перекошенное и синее от беспробудного пьянства. Волосы на голове стояли колом. Старая засаленная ночная рубашка составляла единственный её наряд. Чёрные, как земля, никогда не мывшиеся ноги, были обуты в дырявые вонючие тапочки, наверное, сорок пятого размера, отчего казалось, что бабка Катя ходит на лыжах. Когда старуха приближалась к Лёньчику почти вплотную, изо рта у неё несло хуже, чем из уборной. Лёньчик слушал её и старался дышать через рот, когда бабка подходила к нему слишком близко. Изредка он отвечал и всё ждал, когда же старушка, наговорившись вволю, наконец-то уйдёт из флигеля. Но баба Катя не уходила. Видимо, она тоже ждала Маргариту.

- Ты, бабка Катя, квартирантку свою за чем-нибудь посылала? - не выдержав, спросил у неё Лёньчик.

- А как ты думал! Один ты страдаишь, что ли? За пивом я её снарядила, баллончик трёхлитровой дала, вот, - ответила старушонка.

- Падай тогда на кровать, что перед глазами маячишь, - с досадой пробурчал Лёньчик. Неожиданный приход бабки спутал все его планы насчёт Маргариты.

- Бухать, что ль, будем? - не веря ещё своему счастью, с голодной дрожью в голосе спросила старушка.

- Ага, будем. Я Маргариту за коньяком послал, - вяло, без вдохновения сообщил Лёньчик. Ему не улыбалось поить на халтуру коньяком бабку Катю.

- А кто она, эта твоя новая квартирантка? Далеко живёт? - не зная, о чём говорить на трезвую голову с бабкой, спросил Горицкий.

- Сука и подстилка! - с готовностью ответила бабка.

- Да ну... я серьёзно, - обиженно протянул Лёньчик.

- Так и я ж серьёзно, не знаешь, - горячо затараторила бабка Катя. - На прошедшей неделе, когда ты, Лёньчик, в ночную работал, я своими глазами видела, как Ритка у Светки... тьфу какая гадость! - языком... по переднему месту...

- Не бреши! - крикнул, передёрнув брезгливо плечами, Лёньчик.

- Вот тебе крест святой, - видела своими глазами! - быстро перекрестилась бабка.

- Они что, живут со Светкой, что ли? - крутнул головой Лёньчик.

- Живуть. Как мужик с бабою, - отвечала старушка.

Несмотря на это открытие, Лёньчика продолжало неудержимо тянуть к Маргарите. Живут они со Светкой или не живут - это их личное дело, но какая одинокая женщина устоит перед его, Лёньчика, ухаживанием? В чём, в чём, а уж в амурных делах Лёньчик знал толк! Недаром он любил повторять в мужских компаниях, что нет не дающих женщин - есть плохо просящие мужчины.

Маргариты всё не было, и Горицкий, решив подшутить над бабкой Катей, предложил ей посмотреть сексуальные журналы. Сходив к подоконнику, он принёс ей целую дюжину. Едва развернув первую страницу, старушка зажмурилась, плюнула в журнал и с боязнью перекрестилась.

- Господи, спаси и сохрани мою душу грешную! - заговорила она частой скороговоркой. - Лёнька, дьявол, ды что жа ты мне подсунул?! Ды неужто ж такое бывать на белом свете?

Старушка снова развернула страницу и опять сплонула.

- Ды какая ж они бесстыдницы, девки энти!.. Гля, гля, да ты только погляди, что делают! Стыд-то какой, батюшки мои... Царица небесная и пресвятая багародица...

Лёньчик корчился на кровати от смеха, наблюдая за её реакцией.

Наконец явилась Маргарита, принялась молча выкладывать на стол покупки: бутылку коньяка, закуску, бабкино пиво. При виде бутылки у бабки Кати лихорадочно затряслись руки.

- Лёньчик, наливай, помру! - еле выдавила она из себя и затряслась уже всем телом.

Горицкий быстро откупорил коньяк, набухал бабке больше полстакана. Бабка схватила стакан обеими руками и жадно начала пить, стуча о стекло зубами.

- Я пойду, Лёня, - проговорила Маргарита, впервые назвав его по имени, и направилась к выходу.

- Пойдите, Рита, а коньяк? - догнал её у самой двери Лёньчик и решительно положил руки на талию. - Посиди с нами, пожалуйста.

- Я не пью, не нужно этого, Лёня, - высвободилась из его объятий Маргарита и с жалостью посмотрела в горящие глаза парня. - Вы тут пейте пока, а я пойду... У меня ещё дел много.

Лёньчик понял её по-своему и, отпустив Маргариту, принялся накачивать коньяком с пивом бабку Катю. Вскоре она уже лежала пластом на Виталиковой кровати, и Лёньчик, закрыв флигель на ключ, с вылетающим от волнения сердцем прошёл в бабкину хату.

Маргарита стирала в кухне, снова облачившись в прежний короткий халатик без рукавов. Когда она наклонялась над поставленным на два стула корытом, из-под халата высвечивало такой гладкой соблазнительной белизной, что у Лёньчика замирало сердце и обрывалось дыхание.

Почувствовав за спиной чужое присутствие, женщина резко обернулась, испуганно вскрикнула и попятилась от Лёньчика в зал.

- Лёня, миленький, не надо, умоляю тебя! Я не хочу... Ну, пожалуйста, - жалобно бормотала она, и этим ещё больше распаяла Лёньчика.

Он потерял над собой всякий контроль, обуреваемый только одним яростным животным желанием. Бросившись, как зверь, на Маргариту, Лёньчик схватил её на руки, отнёс в спальню и швырнул на Светкину кровать.

- Не надо, Лёнечка! Миленький, хорошенький, не надо, я боюсь!
- плакала Маргарита.

Не слушая её, Лёньчик сорвал с неё халат, порвал трусики, и, чтобы заставить женщину разжать ноги, стал бить по щекам

ладонью.

– Пожалей меня, Лёня, я ещё никогда не была с мужчиной! Я девочка! – закричала наконец в исступлении Маргарита и сдалась...

16. «Убийство»

Изнасиловав Маргариту, Лёньчик, весьма довольный собой, вернулся во флигель, где застал бабку Катю сидящей за столом и допивающей остатки его коньяка.

– Ну ты, бабка Катя, даёшь, хоть бы стопку оставила! – посетовал раздосадованный Горицкий.

– Вон пей пиво, не велика шишка на ровном месте, – огрызнулась бабка и потянулась за баллончиком.

Когда вдвоём опорожнили баллон, бабка Катя совсем окосела и начала нести всякую околесицу. Она утверждала, что Лёньчик и Светка будто бы хотят её убить и завладеть домом. Что Маргарита будто бы украла у неё золотые серёжки и какие-то деньги, а Лёньчик постоянно пьёт за её, бабкин, счёт и однажды будто бы хотел её «снасильничать». Старушонка утверждала, что Лёньчик алкоголик и «плизерватив», а Маргарита дешёвка и проститутка. В конце концов, бабка схватила со стола тарелку и треснула ею Лёньчика по голове.

Лёньчик взвыл от боли, а старушонка бросилась было наутёк, но споткнулась о порог и во весь рост растянулась в коридоре. Горицкий озверел, догнал в дверях бабку Катю и, крепко схватив за шиворот, приподнял над полом. Старушка безуспешно попыталась освободиться от его мёртвой хватки, поболтала в воздухе ногами, изловчившись, ударила Лёньчика ногой в живот, но и это ей не помогло. Лёньчик взревел от ярости, размахнулся и с силой хлопнул несчастной старушонкой о печку. Внутри у бабки Кати что-то громко хрустнуло, старушка охнула, облапила непослушными руками печку и начала медленно сползать по её стене на пол. Тщедушное тельце её в грязной ночной рубашке несколько раз дёрнулось на полу в судорогах и затихло.

«Убил!» – подумал перепугавшийся до смерти Лёньчик. Руки у него затряслись, ноги подкосились. Не глядя на неподвижное, валяющееся возле печки тело старушонки, Горицкий стремглав

выбежал из флигеля. Он и вправду решил, что убил бабу Катю. Теперь ему нужно было срочно куда-нибудь бежать, как это обычно делали все преступники. Не раздумывая долго, он тут же выскочил за ворота и побежал по улице. Прохожие, завидев Лёньчика, шарахались в стороны и потом долго, покачивая головой и вертя пальцем у виска, смотрели ему вслед. Наверное, думали, что он сумасшедший.

Лёньчику было всё равно, что о нём думали прохожие. Он бежал, ничего не видя перед собой, кроме неподвижного худого тельца убитой им старушонки, стоявшего в глазах, как призрак.

«Но неужели во всём виноват только я? – в отчаянии думал Горицкий. – Ведь бабушка первая ударила тарелкой по голове, а перед тем оскорбляла последними словами!»

Лёньчик лихорадочно принялся искать себе оправдание и с радостью вспомнил роман Достоевского «Преступление и наказание». Грязная хмельная старушонка в его представлении сейчас же трансформировалась в петербургскую старуху-процентщицу, а сам он, естественно, – в решительного и благородного студента Раскольников, избавившего мир от величайшего зла в образе вредной старухи.

Найдя себе оправдание, Лёньчик сделался снисходительным и в следующую минуту даже пожалел убитую старушонку. Он вдруг вспомнил, как бабушка Катя буквально за несколько минут до смерти, выпивая стакан с пивом, ласково сказала на него «сыночек». В глазах у Лёньчика заблестели слёзы. «Зачем я её убивал?» – проклинал себя в душе Горицкий.

Он вдруг резко остановился посреди улицы и принялся растирать кулаком бегущие из глаз слёзы. Жить ему совсем расхотелось. Лучше всего было бы заснуть и больше никогда уже не просыпаться! Лёньчик слышал, что во сне умирать не так страшно. Тут он вспомнил изнасилованную перед убийством бабушки Кати Маргариту и окончательно пал духом. Такого чёрного дня он не знал с момента своего рождения.

Размышляя так, Лёньчик уныло побрёл по улице. Он решил пойти добровольно в милицию и во всём сознаться. На автобусной остановке было полно народу, и Лёньчик, нащупав в кармане деньги, оставшиеся от вчерашней зарплаты, решительно остановил такси.

– Давай в милицию, брат! – проговорил упавшим голосом Горицкий, усаживаясь на переднее сиденье.

– Это в какую милицию? Может быть, в вытрезвитель? – пошутил полный пожилой таксист, искоса взглянув на разбитое

лицо Лёньчика.

Горицкий отрицательно покачал головой.

- Нет, брат, поехали в отделение... Я, понимаешь, человека убил, бабушку.

- С тобой не соскучишься, парень, - снова засмеялся таксист, не принимая всерьёз слова Лёньчика.

Тут Горицкому захотелось вдруг в последний раз на свободе выпить и он предложил водителю:

- Послушай, брат, я тебе за всё заплачу, давай заедем в гастроном, у меня что-то в глотке пересохло! Поехали, брат, это быстро.

- Хотя в Рио-де-Жанейро, если заплатишь! - ответил весёлый таксист.

Лёньчик купил в ближайшем гастрономе семисотграммовую бутылку вина и жадно выпил её из горлышка на заднем сиденье такси. Вино подействовало успокаивающе, Горицкий повеселел, забыл об убитой старушке и снова захотел жить.

- Послушай, брат, ну её к чёрту с ментовкой, не поеду. - Лёньчик решительно хлопнул водителя по плечу. - Погнали лучше к биксам... Давай, разворачивай тачку. Возле гастронома опять притормози.

- Как скажешь, так и будет, - равнодушно ответил таксист и круто развернул «Волгу».

Лёньчик решил кутнуть напоследок. Да и оставшиеся ещё деньги нужно было сегодня истратить - всё равно завтра отберут в милиции. Горицкий назвал таксисту адрес Вовки Князева, купил по дороге бутылку водки и возле общежития условников, щедро расплатившись, отпустил, наконец, водителя.

Князя в общаге, как назло, не оказалось. Лёньчик встретил только фиксатого Филиппова и предложил ему выпить водки. Филя не заставил себя долго упрашивать, быстро нашёл стакан, ломоть чёрствого хлеба и привёл Лёньчика в какой-то глухой двор, за сараи, где обычно бухали условники.

Лёньчик выпил водки, разоткровенничался и поведал долговязому условнику Филе свою историю.

- Старую, точно, насмерть уделал? - недоверчиво переспросил Филя, жуя чёрствую корку.

- Точняк! - кивнул головой Горицкий. - Я её об печку головой - она и копыта на сторону.

- Хреново... Давай, наливай, – глубокомысленно произнёс Филя. Выпил налитую ему водку, поморщившись, занюхал коркой хлеба и с видом знатока изрёк:

- Могут вышку дать, кореш! Смотри...

- А за изнасилование? – выпив свою водку, равнодушно поинтересовался Лёньчик.

- Несовершеннолетняя?

- Нет, лет тридцать бабе.

- Когда насиловал – издевался?

- Нет. Ладонью пару раз по щеке ударил, а так не издевался. Трусы, правда, порвал... Да, тут ещё одна ерунда. Баба эта целкой оказалась.

- Всё ясно. Пятнадцать лет! – вынес свой приговор Филя. Выпил ещё водки и добавил: – Мой тебе совет, кореш: бери верёвку и вешайся, всё равно никуда не убежишь.

- А в горы, на Кавказ? – пылливо взглянул ему в глаза захмелевший Лёньчик.

- Найдут. Хотя, кто его знает... – неопределённо промолвил Филя.

Лёньчик налил ему оставшуюся водку. Филя выпил, утёрся рукавом, взял стакан и, попрощавшись с Горицким, ушёл.

«Значит – вышка!» – обречённо подумал оставшийся один Лёньчик. Он вышел из-за сараев, пересёк двор и побрёл без всякой цели по улице. Лёньчику вдруг до боли стало себя жалко. Мир опустел. Вокруг как будто образовался чёрный враждебный вакуум. Стало горько и одиноко, как в детстве. Но тогда рядом с Лёньчиком была надёжная опора – мать...

Горицкий вспомнил о матери и заплакал, не замечая оглядывавшихся на него прохожих. Мать умерла, когда он служил в армии. Умерла внезапно, за месяц до его демобилизации. Ему даже телеграмму с красной полосой не дали. Да и кому это было нужно? Всю жизнь пропьянствовавшему отцу, который и загнал мать в могилу?..

Ничего не зная, Лёньчик перед отправкой в Союз (служил он в Группе советских войск в Германии) накупил матери подарков. Шарф тёплый на голову купил, скатерть на стол, плед, коврик на стенку... Полный чемодан подарков привёз... Вошёл в квартиру, увидел пьяного, опустившегося отца, скатанные в рулоны ковры в зале, увеличенную фотографию матери в траурной рамке на

стене – и всё понял. Съездил на материну могилу, выпил бутылку водки за упокой её души, раздал нищим подарки, привезённые для матери из Германии и уехал. И больше в родном городе не появлялся.

Сейчас Лёньчику захотелось съездить на могилу к матери, попрощаться. Так он и решил поступить. Зайдя в ближайший гастроном, Лёньчик снова купил бутылку водки и, зажав её под мышкой, принялся останавливать такси, чтобы ехать на железнодорожный вокзал за билетом.

17. Вырезатель

На вокзал Лёньчик в этот день не попал. Его подобрала машина спецмедвырезателя. Водку у Лёньчика отобрали, а самого усадили в пустую металлическую будку с решёткой на единственном окне.

Машина ехала долго. Несколько раз она останавливалась перед светофорами, и тогда хмельной Лёньчик окликал через решётку прохожих. Он паясничал и жалобно просил, чтобы они его считали коммунистом. Какой-то симпатичной девушке в брюках в обтяжку он кинул через решётку измятый бумажный рубль якобы для того, чтобы она ему принесла потом передачу. Девушка обругала его дураком и отвернулась, не поняв Лёнькиного юмора. Потом в будку посадили ещё одного пьяного. Это был пожилой, невысокого роста человек с лысиной во всю голову. Он всё время стучал в дверь будки и спрашивал, за что его сюда посадили. Лёньчик на правах старожил строго на него прикрикнул:

– Эй, мужик, прекрати шуметь, не то пасть порву и моргалы выколю! У меня уже в ушах звенит от твоего стука.

– А что они меня... За что? Усего две кружки пива выпил да винца ещё грамм триста. А они сразу – в машину. Полиция!
– оправдывался плешивый мужчина, но стучать сразу же прекратил.

Лёньчик решил подшутить над ним и безнадежно махнул рукой.

– Винище, говоришь, бухал, дядя? Тогда всё, конец тебе! У ментов до плана одного человека не хватает. Девятерым уже втулили по три года Колымы, теперь десятого ищут, чтобы посадить. Сначала меня хотели, да я отмазался. У меня

экзамены в институте – нельзя. А тебя посадят, мужик. Как пить дать, три года припаяют! Так что пиши скорее родственникам малёвку, я, так и быть, передам. Оттуда, сам знаешь, живыми не возвращаются! Рудники...

– Неужели новый указ вышел? – всерьёз испугался плешивый мужчина.

– Вчера вечером, – утвердительно кивнул Лёньчик.

– А не брешь?

– Когда Лёньчик Горицкий врал?! Клянусь своими подтяжками и всеми незаконнорожденными детьми! – поклялся Лёньчик.

– Боже ж мой, достукался, скотина! – схватился за голову плешивый мужчина.

Лёньчик едва удержался от смеха. В окно он уже не смотрел. Куда занимательнее было подшучивать над этим доверчивым гражданином. На следующей остановке в будку впихнули Генку Портянкина собственной персоной! Лёньчик никак не ожидал его здесь увидеть и сильно удивился. Обычно Портянкин не выходил в таком состоянии на улицу, предпочитая отлёживаться в ночлежке у своей тётки. Бабкин племянник был до такой степени пьян, что совершенно не держался на ногах и сейчас же упал, как только его отпустили милиционеры.

«Наверно, у них в гараже сегодня получка», – подумал Лёньчик и тут же пожалел, что не поехал к Генкиной жене Марине. Спал бы сейчас на белых крахмальных простынях в обнимку с любимой женщиной! Генку Портянкина Лёньчик не без основания считал своим соперником. Приблизившись к его распластанному на полу будки телу, Горицкий злорадно поздоровался:

– Кого я вижу? Привет конкурирующей организации!

Бабкин племянник Генка ничего на это не ответил ввиду того, что спал беспробудным сном. Ему, верно, было всё равно сейчас, что делает его жена и как его обзывает Лёньчик. Голова Генки Портянкина то и дело билась о металлический пол будки. Руки и ноги он раскинул в разные стороны и сильно смахивал на покойника.

Лёньчик долго смотрел на своего врага, потом набрал в рот побольше слюны и с наслаждением плюнул прямо в лицо Генки Портянкина. Плешивый мужчина засмеялся, но Лёньчик плюнул и на него.

– Молчи, пугало огородное, не то я за себя не ручаюсь! Мне теперь всё равно. Я днём человека топором зарубил. Женщину,

то есть бабу. Тётку этой вот обезьяны.

- Неужеля? - со страхом глядя на Лёньчика, протянул плешивый мужчина и отодвинулся от него на почтительное расстояние.

Вскоре их привезли в вытрезвитель. Высокий плечистый сержант с чёрными щёточками усов заглянул в будку и весело скомандовал:

- А ну, товарищи алкаши, подъём!

- Станция Дерезай, хошь - не хошь, а вылезай! - добавил, хлопнув дверью кабины, водитель.

Лёньчик первый выпрыгнул из машины. Его провели в просторную приёмную и усадили на кожаный диван с вытертой многочисленными клиентами спинкой. За ним последовал плешивый мужчина. Генку Портянкина принесли на руках. Немолодая женщина в белом халате, сидевшая за столом напротив дивана, принялась записывать в толстый журнал фамилии и адреса задержанных. Потом им предложили раздеться.

Кроме пожилой женщины за столом, в приёмной находилось ещё несколько женщин, почти старушек, один милиционер в форме и двое здоровенных мужчин в белых халатах. Раздеваться перед подобной аудиторией Лёньчику было стыдно, и он нарочно стал копать, чтобы протянуть время. Плешивый мужчина разделся первый и снял даже трусы, но женщина за столом, улыбнувшись, заметила:

- Бельё можете оставить, гражданин... Вы - тоже, - повернулась она к Лёньчику.

Их двоих завели в следующую за приёмной комнату, всю заставленную кроватями, на которых уже спало несколько человек вытрезвляемых. В соседней комнате находился душ, куда вскоре под руки протащили совершенно голого Генку Портянкина. Через минуту оттуда послышался шум текущей воды и отчаянные вопли Портянкина, из чего можно было заключить, что душ, вероятно, был не совсем горячий.

Лежавший на соседней кровати плешивый мужчина весело подмигивал Лёньчику и всё время повторял:

- Пронесло, парень!

Он, видимо, никак не мог забыть Лёнькиных слов насчет трёхгодичного заключения и теперь радовался, что его не посадили.

Лёньчик не обращал на него внимания. Он сам всякую минуту ожидал роковой развязки, с ужасом представляя, как к нему сейчас подойдут и скажут: «Одевайтесь, гражданин Горицкий. Вы обвиняетесь в убийстве!»

Лёньчик на всякие лады проигрывал в уме жуткую сцену своего ареста, пока, в конце концов, не заснул как убитый. Утром его грубо разбудили милиционеры и велели побыстрее одеваться и уходить домой. В приёмной Горицкий снова встретился с Генкой Портянкиным. Тот обрадовался и первый поздоровался с хмурым Лёньчиком:

- Привет, Лёха! Ты что, тоже сюда попал?

- Как видишь, - буркнул недовольно Горицкий.

- У тебя, Лёха, есть бабки? - не замечая его неприветливого тона, продолжал разговор Портянкин.

- А тебе что? Зачем спрашиваешь? Тебе занять, что ли? - огрызнулся, выходя из вытрезвителя, Лёньчик. В руках он комкал квитанцию на уплату пятнадцати рублей за услуги медвытрезвителя.

- Да нет, Лёха, мне занимать не нужно. Только я ведь по тебе вижу, что денег у тебя нет.

- Ну, так дай мне их! - предложил, повернувшись к нему, Лёньчик. Ему надоели дурацкие разговоры Портянкина.

- У меня тоже нет, а то бы я обязательно тебя выручил. А не хочешь ли ты, Лёха, заработать денег? Я знаю где, - предложил вдруг Генка Портянкин.

- Ну погнай, показывай, чёрт с тобой, - со злостью согласился Горицкий. Ему не хотелось сейчас работать, но за вытрезвитель нужно было платить, и чем раньше, тем лучше. О вчерашнем «смертоубийстве» бабки Кати Лёньчик уже не думал. Правда, в голове крутились какие-то обрывки воспоминаний о бурно прожитом дне, но они до такой степени исказились и трансформировались в сторону абсурда, что Лёньчик приписывал всё это начинающейся белой горячке. Он совершенно не помнил, как попал в вытрезвитель, откуда здесь взялся Генка Портянкин, кто ему, Лёньчику, набил здоровенную шишку на голове и разукрасил физиономию, и куда делись деньги.

Генка привёл его на товарную станцию. Там, у самых ворот, уже кучковалась какая-то группа, по одежде явно напоминающая обитателей городской свалки. Один сейчас же подошёл к ним и предложил:

– Ребята, кто хочет выпить? У меня вот есть тут пятьдесят копеек. Добавляйте по полтиннику на бутылку вина. У меня продавщица знакомая есть, до одиннадцати отпускает.

– Не, батя, отвали, мы непьющие! – резко отшил его Лёньчик, а сам подумал, что, и правда, не мешало бы сейчас выпить вина. Опохмелиться после вчерашнего.

Бич, жаждавший выпить вина до одиннадцати часов, отправился искать других кандидатов в собутыльники, а Лёньчик стал томительно вспоминать, куда же всё-таки он подевал оставшиеся от полочки деньги.

Горицкому вообще страшно не везло в жизни. Когда бы он ни получал зарплату или стипендию в техникуме, с ним обязательно случалась какая-нибудь история. То он покупал себе дорогие наручные часы и шёл с друзьями в пивбар – обмывать. В пивбаре обязательно затевалась драка, Лёньчик вмешивался. В драке, как правило, только что купленные часы разбивались, а самому Горицкому изрядно наминали бока. То он, спяну, покупал целую пачку лотерейных билетов, из которых хорошо если один оказывался с выигрышем, да и то – рублёвым. То он приобретал себе на толкучке у цыган импортные джинсы за двести пятьдесят рублей, которые, как вскоре выяснялось, были вовсе не импортные, а обыкновенные, советские, красная цена которым – червонец.

Много всяческих бед постоянно приключалось с Лёньчиком. На утро он некоторое время жалел о выброшенных на ветер деньгах, удивлялся своей глупости и непрактичности, но вскоре всё забывал и продолжал наслаждаться жизнью.

В душе Лёньчика как бы сосуществовало два диаметрально противоположных человека, живущих в разных измерениях: «белый» человек и «чёрный». Белый человек радовался миру людей, солнышку над головой, деревьям – всему живому и процветающему. Белый человек стремился к труду и знаниям, восхищался искусством и боготворил женщину. Всё, что включало в себя понятие Белого человека, перешло к нему в наследство от матери – доброй и справедливой женщины. Она до времени надорвала здоровье, вытягивая из нужды многочисленную семью, Лёнькиных сестёр и братьев – сам он родился позже.

Белый человек владел Лёнькиной душой периодами, до определённой поры, когда вдруг, непонятно по какой причине, в душу к нему, сметая всё светлое на своём пути, вторгался человек Чёрный! Тогда в мире наступал мрак, люди исчезали с Лёнькиного горизонта, уступая место двуногим животным,

женщины превращались в самок и механическое средство удовлетворения похоти, а алкоголь трансформировался в кислород, без которого невозможно было существовать. Чёрный человек был зверь, – слабый отголосок первобытных времён, доставшийся Лёньчику по наследству от алкоголика-отца.

Вся трагедия заключалась в том, что избавиться от этого зверя было невозможно. Чёрный человек сросся с плотью и кровью Лёньчика, стал от него неотделим. Вероятно, можно избавиться от каких-нибудь вредных привычек, отбросить их как инородное тело, очиститься, в чём и заключается по церковным понятиям катарсис. Но как избавиться от части своего собственного «я»? Как изгнать из своей души Чёрного человека, не нарушив нормального функционирования организма, если этот человек – ты сам? И потому, единственное, что остаётся, – подчинить Чёрного человека Белому, не давать ему вырваться на волю, как не дают вырваться на волю диким зверям в зоопарке. Но мир несовершенен. Он – не зоопарк, а, скорее, – джунгли, оказавшись в которых, Чёрный человек в Лёнькиной душе начинал безумствовать.

В это время Портянкин сходил куда-то, о чём-то договорился, пришёл и с восторгом сообщил Лёньчику, что им достался на двоих вагон угля.

– Ты что, опупел? – разозлился и без того сердитый с утра Горицкий. – Как мы вдвоём вагон угля разгрузим? Бери ещё пару бичей, иначе – иди к чёрту, я рогом упираться не собираюсь.

– Ерунда, Лёха, что такое вагон? Вдвоём выгрузим! – горячо запротестовал Портянкин. – До вечера, думаю, управимся. Бабки – пополам. Зачем нам хвостопады...

Лёньчик подумал немного, сплюнул и пошёл вместе с Генкой Портянкиным выгружать из вагона уголь. Сейчас в нём, на минуту, проснулся Белый человек. Лёньчик вспомнил армию, вспомнил, как выгружали несколько раз брикеты из немецких вагонов, вспомнил наряды в дивизионную кочегарку, сослуживцев, с кем делил два года на немецкой земле горе и радость, и на душе потеплело.

Тяжёлая физическая работа вначале увлекла Лёньчика. Он легко, как бы играючи, орудовал лопатой первые полчаса, ощущая в упругих мышцах рук непривычную силу. Несмотря на чёрную пыль, поднявшуюся в вагоне, работа очищала его от грязных наслоений вчерашнего дня. Портянкин работал с не меньшим воодушевлением, предчувствуя хороший заработок. Но вскоре, когда первоначальный пыл угас, они всё чаще останавливались, чтобы смахнуть с лица грязный пот и

перекурить. Через час этой поистине каторжной работы у них уже буквально отваливались руки и не разгибалась спина. А ещё через час они побросали лопаты и упали в изнеможении на уголь.

- Перекур с дремотой! - объявил слабым голосом Генка Портянкин.

Лёньчик промолчал, зло раскуривая последнюю сигарету...

- Лёха, а ты не боишься смерти? - ни с того ни с сего спросил вдруг через некоторое время Портянкин.

- Боюсь, - не удивившись странному вопросу, ответил Лёньчик.
- Всякий раз, как мимо многоэтажных домов прохожу - такое чувство появляется, что вот сейчас кирпич на голову упадёт и - крышка! Сбросит какой-нибудь идиот... Идешь и вжимаешь голову в плечи; макушкой чувствуешь, как кирпич тебе череп проламывает.

- Это у тебя болезнь, - подал голос Портянкин.

- Шизофрения, думаешь?

- Нет, страх высоты. При такой болезни или упасть с высоты боятся, или - что им на голову что-нибудь упадёт. Вестибулярный аппарат нарушен.

- А-а, ясно, - многозначительно изрёк Лёньчик. - А у тебя, Портянкин, ничего не нарушено?

- Я сифилиса боюсь. Или ещё какой-нибудь гадости. Проказы, например, - признался Портянкин. - Понимаешь, Лёха, патология какая-то... Раньше вроде ничего было, а сейчас, прежде чем на бабу залезть, как гинеколог всю её осматриваешь. В кармане всегда дежурные презервативы наготове. В машине, в бардачке, целая куча валяется. А в рейсе трассовую подцепишь - не поверишь, Лёха, - стакан водяры ей - туда!.. Для дезинфекции.

- Да ну! - рассмеялся Лёньчик.

- А ты думал, - воодушевился Портянкин. - Там такие есть хари!.. Пострашнее бабки Кати. А куда денешься, если подпирает... Неделю - за баранкой! Не шутка. Вот и пользуешься всякой дрянью... Правда, есть и ничего бабёнки попадают.

- А что жена? Ничего не знает? - спросил Лёньчик.

- Про трассовых нет. Зато здесь я как-то здорово подзалетел. Года полтора назад снял одну... молодую. Наквасился хорошо - и к ней на хату... Утром прихожу домой, с понтом из рейса

приехал, раздеваюсь и в ванную. У жены – глаза на лоб. «Ты где был, – говорит, – жеребец проклятый?!» И – в слёзы. Что за базар?.. Глядь на себя в зеркало, а на мне – помрешь, Лёха, – трусы женские и носки в губной помаде! Вот было скандалу... Чуть-чуть до развода не дошло.

– Дурак ты, Портянкин! – обругал его вдруг Лёньчик. – У тебя же золотая жена. Разве можно гулять от такой женщины?

– А ты откуда знаешь? – удивился Портянкин, подозрительно глянув на собеседника.

– Сам же рассказывал. Память отшибло? – вовремя нашёлся Лёньчик. – Ну хорош травить, давай за дело!

Так, с остановками и перекурами, они часам к шести управились со своим вагоном и, получив деньги, усталые, но довольные, поехали в район Сельмаша. Там они уплатили за вытрезвитель, выпили по паре бокалов пива и стали решать, что делать дальше. Оба были грязные, как черти, и Генка Портянкин тянул Лёньчика в баню, но тот не соглашался. Горицкого сейчас больше занимал вопрос о ночлеге: к бабке Кате он ехать опасался, не зная, что его там ждёт. Может, засада ментов с наручниками! Подумав, Лёньчик поделился с Портянкиным своими опасениями насчёт того, что он, возможно, вчера убил до смерти бабу Катю.

– Что ты, Лёха, какой там убил! – рассмеялся в ответ Портянкин. – Да мою тётушку и кувалдой не убьёшь! Я её однажды с крыльца сбросил, прямо задницей – на асфальт. Хряпнулась, как мешок с калом. Видел у неё крыльцо? Метра полтора, а то и выше... Ну, думаю, убил тётку! Сухари уже хотел сушить. Так что же ты думаешь? Недели две в постели полежала, поохала, кровью похаркала и снова – как жеребец!

Приободрённый словами Портянкина, Лёньчик решительно с ним распрощался и поехал к бабке Кате. По дороге, трясясь на задней площадке троллейбуса, Лёньчик на мгновение пожалел, что не пошёл с Портянкиным в баню. Пассажиры всю дорогу подозрительно на него косились, вероятно, принимали за бича. Но стоило только Горицкому на минуту представить себя в бане, как всякое желание посетить это заведение пропадало. Лёньчик вообще мало видел удовольствия в общественных банях. Что хорошего – мыться там среди грубых голых мужиков, выслушивать циничные шуточки и вдыхать в предбаннике ароматы чужого нестиранного белья?

Настоящий, уважающий себя мужчина – полагал Лёньчик – никогда не пойдёт в шумную городскую баню, а лучше предпочтёт ей ванную в своей собственной квартире или, на

худой конец, корыто.

18. Гибель Генки Портянкина

Утром в ночлежке бабки Кати стала известна страшная новость. Баня, в которую пошёл вчера мыться Генка Портянкин, взорвалась по неизвестным причинам! В числе жертв оказался и бабкин племянник. Эта весть сильно потрясла всех обитателей ночлежки, особенно, Лёньку Горицкого. Ведь пойдя он вчера в баню вместе с Генкой Портянкиным – быть бы ему тоже на том свете!

Когда Лёньчик приехал в ночлежку, бабка Катя пластом лежала в спальне, отходя от совершенного над ней «убийства». Сначала она и слышать не хотела о примирении, но, получив от Горицкого поллитру красного вина, купленного им по пути, немного оттаяла и разрешила Лёньчику переночевать. Утром пришло сообщение о взрыве бани. Забывшая с этой новостью соседка-сплетница Егоровна высказывала свои соображения:

– Не иначе как это шпильки баню-то взорвали. Они, они самые! Ой, что я, бабоньки, слышала... А вы знаете, что в Дону воду отравили какой-то заразой – купаться нельзя! Таблички кругом висять...

Лёньчик Горицкий усмехнулся и, перебивая сплетницу, добавил словами из песни Высоцкого:

– Да не какой-то заразой в Дону воду отравили, а самогонкой. Ну, а хлеб теперь из рыбьей чешуи!

Егоровна ему не поверила и, сердито махнув рукой, убежала.

Лёньчик, выяснив отношения с бабкой Катей, решил переключиться на Маргариту. За всё утро она не сказала ещё ему ни слова и делала вид, что его вообще не существует на свете. В принципе, Лёньчика такой вариант устраивал. Лишь бы не написала заявления. Дождавшись, пока Маргарита выйдет из бабкиного дома, Горицкий догнал её во дворе и смело, уже имея на неё права, развернул за плечи.

– Заявление в милицию не написала? Смотри, напишешь – убью!

– Не буду я ничего писать, отстань, – брезгливо отстранилась от него Маргарита.

Глядя в её непорочные голубые глаза, Лёньчик снова загорелся страстью.

- Послушай, ты – ведьма! Как тебя увижу – дурею!.. Ты на меня не сердись за вчерашнее?

- На больных не сердятся. Пусти, пожалуйста, – опустив глаза, тихо попросила женщина.

- Сегодня приходи, как все улягутся... Придешь, Маргаритка?

Не отвечая, Маргарита прошла мимо Лёньчика и скрылась в бабкином доме. «Придет, никуда не денется!» – жадно глядя ей вслед, уверенно подумал Горицкий.

Глубокой ночью в окно флигеля тихо, по-кошачьи, поскреблись, Лёньчик в одних трусах быстро соскочил с кровати и побежал открывать. На пороге стояла Маргарита.

- Пришла? Вот и хорошо, моя девочка! Проходи, будь как дома.

Маргарита вошла во флигель и робко села на стул.

- Иди ко мне, что ты как не родная, – позвал её, вновь улёгшийся на кровать, Лёньчик.

- Подожди, не так быстро... Я так не могу, – замялась на стуле женщина.

- Сколько тебе лет, Маргарита? – спросил Лёньчик.

- Женщинам подобных вопросов не задают.

- Брось, знаю... Сколько тебе лет, правда?

- Тридцать один.

- И до сих пор – ни с кем?..

- По правде сказать?

- Ну... давай!

- Меня не тянуло к мужчинам, – приглушённо выдавила Маргарита.

- А к кому тянуло? – со страхом спросил Лёньчик.

- Я жила только... с женщинами.

В темноте не было видно, как залилось краской её лицо.

- Ты... лесбиянка?

- Я слышала, что... это так называют, но я не думала, что и я... Мне просто так нравилось... Понимаешь, я детдомовская. Никогда своего угла не было. Всю жизнь по общагам... В

детдоме мальчишки часто насильовали девчонок. Я боялась ужасно, избегала всяких встреч с мальчишками... Постепенно всё внимание перенесла на подруг... После детдома – снова скиталась по общагам, снова подруги. С одной жили три года... Любила я её! Теперь она замужем... Ну всё, больше не буду ничего рассказывать. Всё равно ты этого не поймёшь!

– Я ведь муж твой, Маргарита!.. – с дрожью в голосе проговорил Лёньчик. – Иди сюда.

– Ты меня в грех ввёл! Я ведь ни с кем до этого... – заплакала Маргарита и пересела к Лёньчику на кровать.

– Дурочка, это лучше, чем со Светкой по ночам лизаться! – обнял её, глядя по вздрагивающим плечам, Лёньчик.

– Ты знаешь!!! – испуганно вскрикнула Маргарита.

– Забудь, ничего я не знаю. Нет ничего, и не было. Есть только я и ты – и ничего больше! Только ты и я, – успокаивал её, как гипнотизёр, Лёньчик.

– А что люди подумают, Лёня? Нехорошо ведь так.

– А что тебе люди? Плевать. Пусть думают, что угодно. Говори, что мы поженились.

– И в Загс пойдём, Лёня?

– Какой там Загс, ты что?.. Без него обойдёмся.

– А как же тогда?..

– Так, просто... Будем жить, да и всё.

– А вдруг – дети?..

– Что, дети... Дети, конечно, хорошо, но пока не надо. Я ещё к этому не готов. Поживём, увидим... Ты хоть знаешь, как предохраняться?

– Нет.

– Спираль нужно вставить... туда. Ты сходи в женскую консультацию...

– Ой, Лёня, боюсь!

– Да ну, ничего страшного...

На следующий день Лёньчик, Маргарита и Светка отправились на похороны Генки Портянкина. Едва вошли в подъезд Генкиного дома, услышали громкий, истерический плач его жены. Сердце Лёньчика дрогнуло. Ему до боли стало жаль

Генку Портянкина, с кем ещё позавчера разгружал на товарной станции уголь.

Дверь в квартиру была распахнута настежь; возможно, для того, чтобы Генкина душа могла свободно, когда ей вздумается, выходить и прощаться с покидаемым миром. В коридоре прислонилось к стене несколько венков. Из зала то и дело выходили люди с нарочито скорбными лицами. Некоторые утирали слёзы.

Лёньчик со Светкой и Маргаритой прошли в зал и протолкались к гробу. Несколько родственников, сгрудившихся около гроба, вполголоса между собой переговаривались. Рыдающую жену Генки Портянкина увели. Всё было обыденно и скучно, так что Лёньчик вскоре даже начал зевать. Светка строила глазки какому-то грузному седоволосому мужчине из числа родственников, а Маргарита то и дело порывалась уйти, но Лёньчик её удерживал.

Наконец гроб вынесли на улицу, к подъезду подкатил старый, грязно-жёлтого цвета «ПАЗ» с чёрной полосой вдоль борта, и все зашевелились. Одни принялись укладывать венки в подъехавший катафалк, другие подняли гроб, третьи занимали места в другом автобусе. Поехали на кладбище и Лёньчик с Маргаритой и Светкой. В ночлежке бабки Кати делать всё равно было нечего, деньги у Лёньчика вышли, а здесь можно было на поминках выпить на халтуру водки и хорошо пообедать.

Никто не обращал на них никакого внимания. Родственники, вероятно, думали, что они Генкины сослуживцы, сослуживцы же, должно быть, считали их Генкиными родственниками. Лёньчик давно открыл для себя эту особенность любых похорон. А кто-то рассказывал, что один ловкий бич так и жил, питаясь исключительно с поминальных столов и нигде не работая.

Так и не успев переговорить с Генкиной женой Мариной, Лёньчик одним из первых забрался в автобус, сел на заднее сиденье и занял место для Маргариты. Она всё ещё продолжала его дичиться на людях, к тому же видела, что Светка всё прекрасно понимает... и от этого смущалась ещё больше. Она не чаяла дотерпеть до конца всю эту муку.

Автобус тронулся. За окнами замелькали панельные пятиэтажки посёлка, потянулись бесконечные зелёные заборы частного сектора. Позади, то и дело сигнала, растянулась целая колонна грузовиков с Генкиной автобазы. Шофера по собственной инициативе приехали проводить в последний путь своего товарища. Лёньчику спазмой сдавило горло. Он подумал в эту минуту, что его вряд ли придёт провожать столько людей.

Лёньчик зачем-то отыскал взглядом Светку, сидевшую впереди, рядом с тем самым грузным седым родственником Портянкина, которому она строила глазки возле гроба. Ей до фонаря, видно, был сейчас мёртвый Генка Портянкин. Как, впрочем, и всем сидевшим в этом автобусе. Кое-кто уже выпил – по салону гуляли бутылка водки и рюмка. Тут и там то и дело вспыхивали оживлённые разговоры и даже смех.

До нового городского кладбища доехали быстро. Церемония погребения тоже заняла немного времени. Пьяные могильщики торопились поскорее распить полученный от родственников магарыч, родственники спешили за поминальный стол. Когда опускали гроб, какая-то подвыпившая женщина из числа провожающих, театрально заламывая руки, бросилась вслед за ним. Её еле поймали на краю могилы. Охрипшая от крика Генкина жена лишилась чувств. Водители с Генкиной автобазы снова подняли дьявольский шум своими сигналами.

Всё это время Маргарита нервно вышагивала возле автобуса, ни разу не подойдя к могиле. Лёньчик сердился и говорил, чтобы она хотя бы для вида пошла вслед за похоронной процессией. Но Маргарита только отмахнулась, еле дождалась конца всей этой нудной процедуры и, не пожелав оставаться на поминках, уехала. Лёньчик тогда не знал, что видит её в последний раз.

Сам он в притон бабки Кати в эту ночь не вернулся. Терпеливо дождавшись на улице конца поминок, Лёньчик вновь поднялся в квартиру Генки Портянкина, где его ждала заплаканная Марина. Уже не стесняясь осиротевшей Генкиной дочери, на правах хозяина, он принял ванну, выпил водки, которой много оставалось после поминок, и лёг спать с Генкиной женой – теперь уже вдовой...

Ночью Лёньчик вдруг проснулся от необъяснимой тревоги. Было такое ощущение, что на него кто-то смотрит. Горицкий с испугом оглядел погружённую во мрак комнату. Кроме посапывающей рядом Марины, в комнате никого не было, но всё равно неприятное тревожное чувство не проходило. Казалось, что сама душа Генки Портянкина прилетела с кладбища, чтобы с упрёком взглянуть в глаза Лёньчика. Горицкому стало не по себе. Он встал с постели и осторожно обошёл всю комнату. Возле телевизора мистическое чувство непонятной тревоги усилилось. Казалось, что Генка или его бестелесный дух находится там – на телевизоре. Лёньчик со страхом пошарил по нему рукой и нащупал небольшой фотоснимок. Схватив его, Горицкий метнулся к стулу, где висели его брюки, лихорадочно зажёл спичку и, поднеся фотокарточку к огню, вскрикнул. Со снимка на Лёньчика смотрел живой улыбающийся Генка

Портянкин!..

Эпилог

У бабки Кати в ту ночь было необычайно тихо. Не слышно было ни шума весёлого застолья, ни разъярённых криков дерущихся, ни дьявольски громкой западной музыки, ни блатных песен, ни звона разбиваемой посуды, без чего не обходилась в бабкинском притоне почти ни одна ночь. И соседи впервые, может быть, за несколько лет заснули спокойно. Всё дело в том, что в ночлежке в это время было всего два человека: сама бабка Катя, лежавшая пластом в спальне после Лёнькиного «убийства» и Маргарита. Светка, как и Лёньчик, с похорон Генки Портянкина не вернулась, и где провела эту ночь – неизвестно.

Маргарита лежала в своей комнате на спине, подложив руки под голову, и сосредоточенно думала о своей безрадостной неудавшейся жизни. События последних дней надломили её душевные силы. Единственное, что она ещё ждала от жизни, о чём в тайне мечтала по ночам и в чём надеялась найти ускользающую нить смысла, – оказалось блефом. Первый же мужчина, встреченный ею на жизненном пути, грубо лишил её девственности и обманул. Розовые мечты и грёзы мгновенно рассеялись как дым. Для чего было жить дальше?

Трагическая смерть Генки Портянкина подтолкнула её мысль в нужное направление. Да, человек – это случайная глупая ошибка природы. Он никому не нужен живой и тем более – мёртвый! Какая разница, сколько ещё тянуть; год, два, десять лет? Всё равно итог один – могила на кладбище! Так не лучше ли покончить всё разом?.. Заснуть вечным сном... Да, в этом – выход!

Решив так, Маргарита вскочила с постели и, не одеваясь, накинув только плащ на голое тело, тихо вышла на улицу. Она шла без определённой цели, наугад, инстинктивно понимая, что для осуществления задуманного нужно куда-то идти. Она рада была бы сейчас встрече с хулиганами, не испугалась бы изнасилования, даже – ножа. Пусть бы всё сделалось само собой, это избавило бы её от необходимости самой принимать решение.

Но неосвещённые улицы посёлка были безлюдны, никаких хулиганов и насильников Маргарите не попадалось, и решимость

её на мгновение поколебалась. Она не знала, что делать. Не бросаться же под машину? При одной только мысли о подобном способе самоубийства, Маргариту обуял панический ужас. Она была впечатлительна и не могла представить себя после смерти обезображенной. По пути Маргарита несколько раз расстёгивала плащ, подставляя прохладным струям ночного воздуха обнажённое тело.

Плащ стеснял её свободу, мешал естественным движениям тела. Маргарите хотелось сбросить его совсем, освободиться, наконец, от этой ненужной уже сейчас условности. Плащ как бы олицетворял собой всё то тяжёлое нагромождение моральных ценностей, норм поведения и прочего домостроя, давившего ей на плечи все эти годы. Но Маргарита тут же с ужасом поняла, что она не в силах сбросить с плеч этот груз. Но и жить с ним она уже не могла.

Часа через полтора быстрой ходьбы по замершим в тревожной дрёме городским улицам, Маргарита достигла моста. Пройдя по нему до середины, остановилась. Облокотилась о перила, поглядела задумчиво вниз, на мирно блещущие в лунном свете донские воды. Потом вдруг сбросила плащ, туфли, залезла на перила и, зажмурив глаза, торопливо бросилась в реку...

Её тело выловили через три дня. Бабка Катя к этому времени уже поднялась на ноги. Узнав о самоубийстве Маргариты, бабка всплеснула руками и в ту же минуту с сожалением вспомнила о тридцати рублях, которые та осталась ей должна за квартиру. Родственников и наследников у Маргариты не было, и практичная бабка Катя, пошушукавшись со Светкой, поделила с ней после похорон скудное барахлишко утопленницы.

Светка в конце сентября неожиданно вышла замуж за студента из Нигерии и куда-то уехала. Ходили сплетни, что – в Африку. Но в Африку Светка не попала. Через много лет, оказавшись по коммерческим делам в Ленинграде – к тому времени уже Санкт-Петербурге – Лёньчик заглянул в кооперативное кафе на Невском проспекте, неподалёку от «Колизея» и приятно опешил, увидев за стойкой алкогольного бара Светку! Та безумно обрадовалась встрече с Лёньчиком, угостила его шотландским виски и целый час рассказывала о том, какой подлец оказался её первый муж – иностранный студент из Нигерии, – с которым она развелась, не доехав до Шереметьева. К счастью, в Москве она познакомилась с одним прекрасным человеком – крупным партийным работником из Ленинграда... Сейчас у них кооперативное кафе, «Тойота», дача на берегу Финского залива... Ах, да, – дочь!.. от первого мужа... Славная такая девчушка. «Шоколадка!» – как называет её супруг.

Лёньчик был рад, что у неё всё хорошо. Сам он тоже кое-чего достиг в жизни. Не пьёт. Два года назад женился. Светка её, вероятно, помнит. Она тогда была ещё – от горшка два вершка... дочка Генки Портянкина. Сейчас у них уже сын. Здорово смахивает на покойного Генку. Работает Лёньчик в крупной советско-болгарской фирме по производству пластмасс, часто ездит за границу. По делам фирмы был недавно в объединённой Германии, в том самом городе, где когда-то служил. Полгода назад купил кооперативную квартиру, но она их с женой уже не устраивает. В скором времени собираются перебраться в столицу.

Что касается других обитателей ночлежки: бабка умерла вскоре после смерти Портянкина. Капитан Флинт спился. Лёньчик пробовал было на него влиять, даже пристроил дворником в свою фирму, но – безрезультатно. Капитан Флинт продолжал пить, как перед пропастью, на работу не выходил, вскоре продал цыганам дом и куда-то исчез. Соседи рассказывали потом, что видели его как-то среди бичей на железнодорожном вокзале. Где он сейчас – никто не знает. Да и бог с ним.

О Виталике Пивоварове, после того как его за прогулы и неупеваемость исключили из техникума, Лёньчик вообще долгое время ничего не слышал. Потом, повстречав бывшего однокурсника, узнал от него, что Виталика посадили за изнасилование несовершеннолетней. Этого и следовало ожидать!

Цыган Миша по-прежнему живёт на их улице в своём двухэтажном особняке, каждый год меняет машины, а цыганка ежегодно рождает ему детей. Так что у него их уже – целый табор! Чем промышляет цыган Миша, до сих пор толком никто не знает. Денег у него, как и раньше, – куры не клюют. Одни утверждают, что он будто бы торгует наркотиками, другие говорят, что – оружием. А сплетница Егоровна божилась, что будто бы своими глазами видела, как из двора цыгана Миши выезжал самосвал, доверху гружённый пулемётами для Нагорного Карабаха.

Да, Лёньчик едва не забыл упомянуть о своей, так сказать, теще – вдове Генки Портянкина... После трагической гибели мужа Марина с горя запыла, опустилась, пошла по рукам. Лёньчик жил у неё некоторое время... на квартире. Её дочь Анна всё это видела. Нужно было срочно спасать девочку... Да, ей в то время было... двенадцать лет. Нет, Лёньчик не трогал её до тринадцати... Сейчас, слава богу, они любят друг друга. Была свадьба... небольшая. Типа вечеринки... Нет, они ещё не расписывались в Загсе... пустяки, к чему все эти условности?.. Мать Анны?.. Да, она обо всём знает. Она обменяла свою

двухкомнатную квартиру на однокомнатную в коммуналке, доплату прокутила с сожителем... Он, кстати, младше её лет на двадцать, совсем ещё мальчишка. Да-а, кто ещё на такую позарится...

Вовка Князь... Впрочем, Светка его не знает. Уголовник один... Снова сел, говорят. Ножом кого-то в винной очереди пырнул...

Распрощавшись со Светкой, Лёньчик шёл под вечер по Невскому, курил дорогую американскую сигарету и вновь прокручивал в уме нахлынувшие воспоминания. Всё прошло, всё куда-то исчезло, изменилась жизнь, изменились люди вокруг, изменился и сам Лёньчик. Да и осталось ли что-нибудь от него – прежнего? Не лучше ли сказать, что совсем другой человек идёт сейчас по Невскому, среди горящих витрин коммерческих магазинов и многочисленных рекламных огней, среди весёлого разноязыкого шума «северной российской столицы»?

Неподалеку от Фонтанки сидел нищий – безногий бородатый старик в отрепьях. Он поминутно кланялся прохожим, что-то невнятно бормотал, торопливо осеняя себя крестным знамением. В картузе перед ним блестела жидкая кучка мелочи.

Лёньчик остановился, порывшись в кармане, вытащил металлический рубль, но рука его зависла в воздухе. Он взглянул в слезящиеся глаза старика и смутился. Суетливо полез за бумажником, не выгирая, выдернул новенькую сторублёвку и бросил в картуз. Не оглядываясь, дошёл до середины Аничкова моста, продолжая бездумно перебирать пальцами рубль. Облокотившись о перила, заглянул вниз. Ровная блестящая поверхность реки завораживала, приковывала взгляд. Река как будто хранила в своих глубинах какую-то тайну, заставляющую наблюдать за водой часами. Река вселяла в душу умиротворение и покой. Подобное чувство испытывают рыбаки, сидя с удочками на берегу.

Лёньчик рассеянно взглянул на рубль и разжал пальцы. Внизу раздался негромкий всплеск, по воде побежали круги. «Один, два, три», – зачем-то считал Лёньчик...

Через несколько секунд круги исчезли. Он перегнулся через перила и попытался разглядеть в воде своё отражение. Но, тщетно – зеркальная гладь реки оставалась чистой и безмолвной. Отчего-то ему стало жутко.

Лёньчик отстранился от перил и быстро зашагал прочь. В кармане у него лежал билет на московский поезд, но он и сам не знал, куда ему теперь идти.

1982 - 1991

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>